

[Polaris]

Карл Фердинандс

СВАЙНЫЙ ПОСЕЛОК

В дали времен
Том XII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXVII

Salamandra P.V.V.

**Карл
Фердинандс**

СВАЙНЫЙ ПОСЕЛОК

В дали
времен

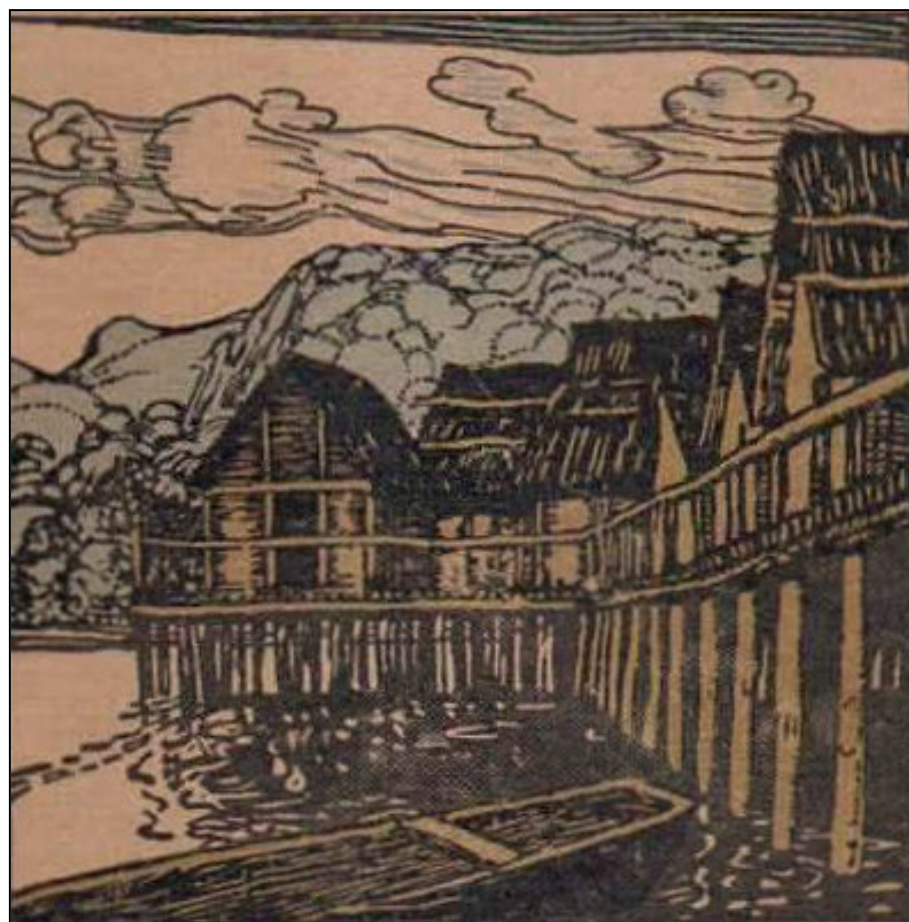
Том XII

Salamandra P.V.V.

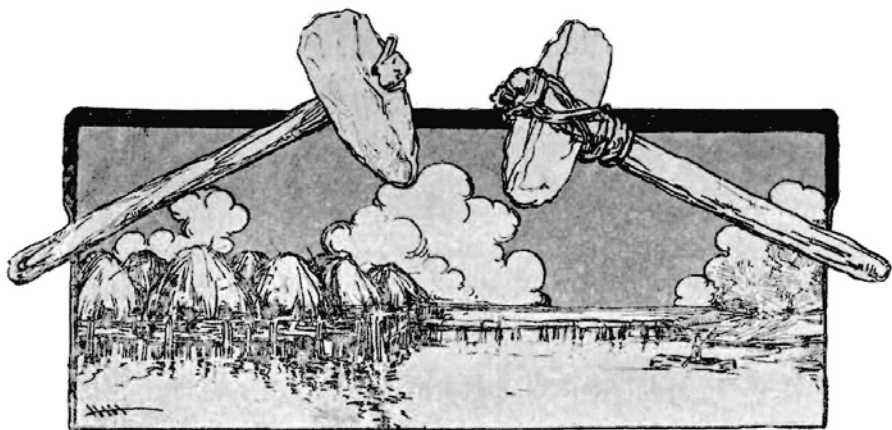
Фердинандс К. (К. Ф. ван Влейтен)

Свайный поселок. Пер. с нем. Е. Дидрикиль. Под ред. А. М. Васютинского. Илл. Н. И. Живаго (В дали времен. Том XII) — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 112 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXVII).

Повесть немецкого писателя Карла Фердинандса (1874-1945) переносит читателя в конец каменного века и рассказывает о жителях мирного свайного поселка на Рейне, вынужденных сражаться с полчищами осаждающих их дикарей.

СВАЙНЫЙ ПОСЕЛОК

Глава первая

Я собираюсь рассказать вам историю о Рейне и прирейнском населении, но не о том деятельном поколении, которое ныне поднимается вверх по реке на пароходах, с шумом и свистом проносится вдоль ее берега по железной дороге и кует мощными паровыми молотами листы стальной брони. И не о строителях высоких соборов поведаю я вам; не о звякании оружия в рыцарских замках.

Лет за тысячу до появления замков с крепостных валов по левому берегу Рейна выглядывали бритые, круглоголовые и темноглазые римляне, смотря озабоченно на непро-

ходимые леса по ту сторону реки, где шевелились несметные силы.

И еще более чем за тысячу лет до них по левому берегу священной реки расстился такой же девственный лес, как и по правому. Белокурые высокорослые поселенцы вели многовековую упорную борьбу с низкорослым, как карлики, туземным населением. Изготовление железных орудий и оружие им еще не было известно. Изредка попадало в руки бойцов бронзовое оружие, завезенное торговцами-воинами. Чаще же всего слышался стук каменных топоров при столкновениях враждебных друг другу племен.

Об этом и поведает вам мой рассказ.

Там, где горы несколько отступают от берега, и вершины леса оставляют некоторый просвет, река раздваивается на два рукава, между которыми лежит большой продолговатый остров, по краям поросший ветлами. Рукав, примыкающий к правому берегу, обладает быстрым течением и глубок; левый же мельче и течет так медленно, что напоминает собою пруд.

В середине этого мелкого рукава, в виде несколько продолговатого четырехугольника, раскинулся свайный поселок. На сваи в толщину ноги, поставленные близко друг к другу, положена решетка из обтесанных сверху древесных стволов, на которой возвышаются деревянные хижины. Плеть из ивняка, покрытый глиной, образует тонкие стены, покрытые крышей из легкого тростника. Узкий деревянный мостик соединяет поселок с левым берегом, другой — пошире — с островом.

Вокруг хижин протоптана дорожка; другие тропинки идут между хижинами до жилища вождя; оно стоит против большого дома, где происходят общие собрания. Вблизи отдельных жилищ прикреплено деревянными кольшками много лодок-однодревок.

Поздняя весна. Вода еще не сбывла: она стоит на три четверти человеческого роста ниже решетки, на которой построены жилища; позже, летом, уровень воды понизится настолько, что до лодок можно будет добраться только по короткой лестнице.

Нежные дымки тумана поднимаются над неподвижной, прозрачной водой. Раннее утро. В густом прибрежном тростнике, не умолкая, кричит болотная птица. С острова доносится протяжное мычание коров и блеяние коз; кое-где виднеются сквозь кусты и сами пасущиеся животные. Нежная голубая полоска на зеркальной поверхности реки предвещает, что бледное небо вскоре разъяснится и, когда туман рассеется, настанет ясный солнечный день.

Из дома собраний выходят трое мужчин. Посредине идет высокий, грузный человек лет шестидесяти. Желтовато-белые волосы его связаны пучком на темени; широкая серовато-рыжая борода свешивается ему на грудь; смелостью горят его голубые глаза; правую рукой оперся он о бедро, тогда как левая держит кремневый топор в оправе из оленьего рога. Топор этот прикреплен к ремню, который стягивает мягкие оленьи кожи — его одежду. Это Дондур, сын Разы, вождь свайного поселка. Рядом с ним, по правую и по левую руку, идут два стройных мускулистых человека. Один из них, почти юноша, уже сильно загорел; другой близок к старости, но взгляд его бодр и свеж, как у юноши, и рука сильна.

Оба тащат перед собой тюки дорогих мехов, из-за которых едва выглядывают их белокурые волосы и смышленные лица. Одеты они в полотняную одежду, сверх которой накинута мех дикой козы. Оружия у них нет с собою, но их вытянутые руки и прямо стоящий затылок свидетельствуют о многих подвигах храбрости. Это Сувиль, торговец с озер, лежащих к югу около гор со снежными вершинами, и Сейво — молодой сын Сувиля.

Тем временем все трое очутились на краю поселка, и с глухим шумом полетели оба тюка с мехами в приготовленный для них челнок; лучшая обработка его и длина говорит об иноземном происхождении. Сувиль, старший, ставит кроме того тяжелый дубовый ларец в лодку, прыгает сам туда же, открывает ларец и еще раз показывает его содержимое главарю. С напряжением следит он за выражением лица Дондура, который рассматривает сокровища: топоры, кинжалы и ножи из красной бронзы; с ней еще не

знакомы жители этого свайного поселка.

— Мне больше нечем обменяться с тобой, Сувиль, гость мой, — улыбаясь, говорит Дондур, — у меня нет больше мехов, чтобы отдарить тебя: ты уже взял все; что же касается наших горшков для варки и каменных топоров, то их тебе не надо...

— Будущей весною я приеду опять, — возражает Сувиль, — собери только тщательно меха: у меня есть еще такие же топоры и мечи. — Сувиль достает при этом со дна лодки собственный блестящий меч и со свистом потрясает им над головой.

— Таким мечом тебе было бы легче удерживать этих диких горцев, — он указал на горы, — от нападений на твои стада, и ты мог бы быстрее убить им свирепого буйвола.

Дондур кивает в знак согласия.

— Осенью и зимой я испробую оба топора и нож из нового камня, который гость мой, Сувиль, называет медью. В будущем году у меня будет достаточно мехов, чтобы надеть новым оружием моих лучших воинов и охотников, если оно окажется полезным. Сувиль требует слишком много мехов за один только нож!

Хитрый торговец таинственно морщит брови и пожимает плечами:

— Знойным летом переходим мы через снежные горы, лежащие к югу; мы боремся в долинах с драконами, охраняющими медные сокровища; не один из нас истекает кровью в борьбе со свирепыми стражами. Неужели же при всем этом узла мехов слишком много за один нож?

— Мне хотелось бы вместе с Сувилем переходить через горы и бороться с драконами, — восклицает Дондур и вытягивается во весь свой могучий рост. — Куда направляется теперь гость мой: на полночь или на полдень?

— Я собираюсь на север, в поселок у Драконовой скалы!

— Там живет Эзо, сын брата моей матери. Не хочет ли Сувиль стать моим вестником? — спрашивает вождь.

— Охотно, — отвечает торговец.

Дондур приглашает обоих зайти еще раз в его жилище: он хочет дать им горшок пшеничного зерна, необходимого

Эзо для посева.

Едва только исчез Дондур со своими обоими спутниками между хижинами, как над соседней крышей поднялась дюжая фигура мужчины, который направился к лодке торговца, схватил меч Сувиля и скрылся с ним под низкой кровлей хижины. Его красное одутловатое лицо обрамляли черные жесткие волосы, а короткое некрасивое тело было покрыто разорванными потертыми шкурами.

Едва лишь беззвучно исчез этот странный человек, как те трое снова вернулись. Сейво несет сосуд с зерном. Сувиль с сыном снова прыгают в лодку и отвязывают ремни, которыми она прикреплялась к свае.

Вдруг Сувиль бледнеет и начинает что-то искать на дне челнока. Сейво догадывается, чего недостает отцу. Оба они взволнованно перекидывают тюки с мехами из стороны в сторону. С зардевшимся лицом поднимается Сувиль и спрашивает озадаченного Дондура:

— Нет ли у вождя в деревне детей, которые хватают оружие взрослых мужчин? Только что показал я Дондуру свой меч, как место, на котором он лежал, опустело.

— На этих сваях нет воров, — возражает тот, нахмурясь. — Коричневый камень, вероятно, проскользнул как-нибудь между мехами. Я помогу гостю искать его. Ни одно дитя на сваях не осмелилось бы тронуть меч воина, моего гостя!

Но, как ни роются все трое во всех тюках, меч не находится.

Тогда Дондур поднимается во весь свой рост:

— Ни одно дитя на сваях не посмеет, но я знаю одного, кто испокон веков был вором. Следуйте за мною, мужи!

Все трое ищут в хижинах, с быстротою ветра переносясь от одной к другой. Наконец, Дондур замечает подозреваемого — он пытается спастись бегством, но Дондур гонится за ним и настигает в тот момент, когда тот собирается перепрыгнуть через низкий край хижины в воду. И действительно, меч Сувиля еще висит на поясе этого желтолицего, низенького, черноволосого человека, озирающегося испуганными глазами.

С громким криком бросается Сейво вперед и вырывает у него блестящее оружие отца. Дондур трясет вора, как это делает собака с какой-либо отвратительной жабой, которую она не решается загрызть до смерти.

Дважды ударяет он его кулаком в затылок так, что пленник падает, скрежеща зубами. Но вдруг вождь его отталкивает сильным пинком ноги, так что тот летит кувырком в воду, плывет как крыса и скрывается за сваями.

— У вождя есть черный кривоногий бык среди его стройного белого стада! — смеется Сувиль в то время, как все трое вновь возвращаются к лодке.

— Пусть Сувиль выслушает историю этого человека. Когда Дондур был еще молод, по ту сторону, вблизи ущелья, жила в пещере горсть диких горцев. В одну ночь они увели у нас много скота, уничтожили посевы и перебили пастухов. Тогда Дондур взялся за свой топор, а Раза, отец его, созвал всех мужчин. Два дня и две ночи блуждали мы, крадучись, вокруг пещеры на разведках. Затем мы натаскали в одну ночь сухих сосновых сучьев столько, сколько могли набрать, и разложили их рядами перед пещерой. Когда раздался первый призывный клич горцев, пламя уже поднималось высоко. Те, кому удалось пробраться сквозь густой дым, были перебиты каменным оружием. Мы выкурили разбойников, словно барсуков, из их норы. Среди удушливого дыма никого не осталось в живых. Мы нашли в лесной чаще зарубленных быков, которые были покрыты ветвями. В пещере лежали трупы диких карликов. Только один маленький мальчик еще барахтался; его унесли мы, вместе с добычей, на свай.

Ма, мать моих детей, воспитала его. Мы назвали его «Вутт», так как в первые дни он произносил этот звук. Мы лепим из глины горшки и придаем им форму, какую хотим; точно так же выбиваем мы топоры из кремня; человек же вырастает не таким, каким мы хотели бы его видеть. Только один вор живет на сваях, Вутт — имя его; в поселке есть всего лишь один лжец, Вуттом зовут его; один лишь ходит по земле и плавает в воде со злым лицом, словно хо-

рек, это — Вутт, укравший у тебя, Сувиль, меч. Дикие горцы угрожают все реже нашей укрепленной деревне: они ушли дальше, в горные теснины, но среди нас есть один, который носит их облик и ненавидит нас. Дондур спас его, а Ма взрастила его с малых лет. Пред лицом врага Дондур — воин, но всадить нож в грудь безоружного проныры он никогда не решится, иначе Дондуру пришлось бы опасаться солнца.

И вот Вутт лежит лентяем у свай, ворует, что ему нужно, одну ночь спит он на сене у пастухов, другую на тростнике у циновочниц, третью проводит, рыская по горам, словно испуганный волк, и прячется в лесах. И старый Граун, охотник, не имеющий себе равного в метании камней, утверждает даже, будто Вутт сносится с дикими горцами из ущелий и приманивает их к нашему поселку. И все-таки Дондур не смеет топором убить его, пусть даже назовет его Сувиль трусом за это.

В то время, как Дондур взволнованно говорил это, Сувиль с сыном уже уселись в лодку, отвязали ремни и взяли за ложкообразные весла. Один из них сидит на носу лодки, другой — на корме ее; между ними стоит горшок с зернами и тюки с мехами. При последних словах Дондура, Сувиль встает и подает ему на прощание руку.

— Я не хочу ни в чем упрекать Дондура: если мы воспитали собаку, то нам не хочется убивать ее, хотя бы она и кусалась. Живи, хранимый Солнцем Дондур, до седьмого дня, тогда я по пути на полдень заверну отдохнуть в твою хижину!

— А ты, — возражает Дондур, — счастливо поезжай по реке, передай от меня привет Эзо, двоюродному брату у Драконовой скалы на севере. Счастливого пути! Говорят, будто дикие горцы опять часто стерегут на берегу проезжих. Возвращайся же цел и невредим!

Сейво также подает руку вождю; весла ударяют по волнам и быстро уносят обоих торговцев. Дондур медленно проходит между хижинами и наблюдает за тем, как горшечники изготавливают сосуд из кольцеобразно наложенных друг на друга тоненьких глиняных колбасок; как они

выравнивают потом его поверхность и обжигают на огне.

Он наблюдает и за работой тех, которые чинят сети, разорванные большими щуками и семгами.

Он кивает головой женщинам и девушкам, которые плетут циновки из тростника и коры срубленных деревьев. Молодые женщины сажают своих маленьких детей в холщовые мешки, закинутые за спину, чтобы дети не мешали им работать; с любопытством смотрят голубые глазки на высокого, проходящего мимо мужчину.

Он заглядывает и в свою собственную хижину, где старая Ма и ее две дочери сидят, окруженные пленными рабынями, около деревянной рамы и превращают мягкое льняное волокно в ткань. Наконец, Дондур переходит через широкий мост на остров, любит пасущимися коровами и козами и смотрит, не опрокинул ли скот забор, которым обнесены зеленеющие пшеничные поля. С левого берега доносится стук многочисленных топоров. Там рубят деревья для новых домов, так как поселок растет. Вблизи берега видит он сквозь зеленый венец тростника высокую грудку обтесанных стволов: их нужно будет еще заострить и вколотить. Много стволов уже связано в широкие и длинные плоты, которые ожидают на воде, покамест их сгонят в свайный поселок.

Все растет и преуспевает. Радостная улыбка озаряет черты Дондура, когда он в одном из углов ивового острова слышит шум играющих детей. Он простер руки и с благодарностью смотрит на священное солнце, которое виднеется в виде бледного диска сквозь мглистый туман.

Вдруг Дондур издает резкий крик сокола; из побережного кустарника ему отвечают тем же. Туда отправляется теперь вождь, чтобы помочь своему сыну Узольду, который вместе со старым Грауном занимается там рыбной ловлей.

Тем временем оба торговца уже выбрались из более спокойного левого рукава реки в быстро текущий правый. Волны катятся; после соединения обоих рукавов берега реки становятся неровными; с обоих берегов свешиваются полуобнаженные деревья-гиганты — вот-вот обрушатся; скалы либо выступают над водою, либо скрываются под ней, и

лишь кипение прибоя дает знать об опасном рифе. Оба путника усиленно работают веслами; здесь уже нельзя разговаривать: при оплошности в каждое мгновение грозит гибель.

— От тяжести мехов лодка сидит слишком глубоко: мы можем утонуть, — с живостью говорит Сейво.

— Мы должны спрятать меха в укромном месте; я сведу тебя туда, — отвечает отец, сильным движением весла удаляя лодку от острой сланцевой скалы, — еще ударов сто веслами, — и мы причалим к острову.

— Меня удручает, отец, то, что мы даем пришельцам с той стороны снежных гор за один медный топор по десяти штук мехов, тогда как сами получаем за него от Дондура по целой сотне. Зачем обманываем мы своего гостеприимного хозяина? Я видел, как Сувиль, отец мой, боролся с волками и медведями, переходил через ледяные скалы среди снеговых гор; он мне казался тогда прекраснее, чем теперь, когда он обменивает топор на сто штук мехов.

— Следи за течением, болтун! — восклицает Сувиль и изо всех сил правит в сторону, мимо сучьев плывущего дуба. — Видно, что ты едешь со мной впервые. Не разговаривай, Сейво, а слушайся!

Сейво хватается крепче за свое весло и умолкает. Он хорошо знает сердитую складку на лбу отца.

Берега опять несколько расступаются; течение становится медленнее; посредине реки выступает продолговатый остров.

— Вот уже и остров! — восклицает Сувиль.

Сын его, Сейво, недоволен и молчит; однако он помогает отцу направить лодку к острову. Сувиль зорко осматривает берег: взор его пробегает по каждому дереву; он оглядывает каждый куст. Долго останавливается его взгляд на реке; он высматривает, не покажется ли где-нибудь судно. Осматривает он и остров: как бы не поразила пришельцев из тростника или из чащи ивняка острая стрела. Затем, не найдя нигде следов диких горцев, которых опасался, он внезапным движением весла с помощью сына повернул лодку и въехал в маленький залив. Гравий хрустит под лодкой; Сувиль бежит взад и вперед по влажному песку на бе-

регу и ищет следов, тогда как Сейво, все еще безмолвный, охраняет лодку. Отец проходит по всему острову; ничто не ускользает от него: он ощупывает каждый сломанный су-чок, осматривает каждое углубление в траве. В конце концов он, кажется, доволен и поворачивается в ту сторону, где они причалили.

— Наше убежище осталось неприкосновенным!

Сын кивает безмолвно головой. Сувиль со смехом говорит:

— Сын мой не хочет разговаривать со своим отцом, так как ему не хотелось бы брать у Дондура слишком много мехов. Я хочу теперь задать своему сыну воинскую задачу: на этом острове есть убежище, где спрятано оружие и съестные припасы. Ищи его, Сейво, сын Сувиля! Покажи, что ты кой-чему научился.

Одним скачком Сейво выпрыгнул из лодки. Это известие услышал Сейво охотнее, чем то, которое касалось мехов...

— Пусть отец мой подождет в лодке!

Он уже исчезает между ветлами, тогда как Сувиль, усевшись на траве, на самом берегу, внимательно смотрит на реку. Ему кажется, как будто от одного из плывущих древесных стволов отделяется что-то темное, быстро уплывает и исчезает за концом острова. Но он успокаивается: это лишь гнилой, поросший мхом ствол, — он опять медленно приближается.

Сейво возвращается и безмолвно садится рядом с отцом.

— Пусть мой сын говорит.

— Сувиль устроил тайник в дупливой ветле на том конце острова.

— Как нашел ты его, сын мой? — изумленно спрашивает отец.

— Отец мой вырезал дно медным ножом: на одном куске блестела медь.

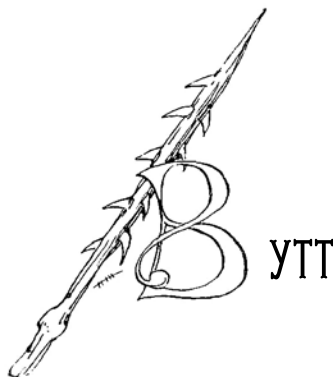
Сувиль кладет руку на плечо своего сына и говорит:

— Сын мой будет великим воином и охотником; он будет восходить на горы; он должен также сделаться могучим вождем; для того-то Сувиль и собирает сокровища всей земли, чтобы сын его ни в чем не уступал другим!

— Пусть лучше я научусь тому искусству, с каким Сувиль владеет веслом или нападает на врага. Лучше было бы мне видеть его на горах в бою с дикими, — мягко отвечает Сейво, — чем смотреть, как он зарывает свое добро в песок где-нибудь на торговом пути.

— Смотри, Сейво: не накликай диких карликов-горцев, а то как раз придут они ночью. Их больше и они одолеют нас. Ни одного места на реке не стерегут они так, как это: не один уже торговец сгнил здесь в прибрежном тростнике. Старику Грауну известно, что они живут там, наверху, в ущелье, на один день пути в глубь страны. Это — дикари: живут они в земляных норах, не пекут хлеба, не приручают ни быков, ни свиней, прозябают в вечном холоде; кого поймают — привязывают к столбу и режут, как оленя... Теперь же помоги мне спрятать меха в потайном месте!

Глава вторая

Сброшенный пинком Дондура в воду, Вутт проплыл между сваями к самому темному месту в середине деревни. Здесь остановился он, задыхаясь, и стал тревожно озираться по сторонам: не преследует ли его кто-нибудь; затем вылез из воды и взобрался на широкий пень, верхняя часть которого, покрытая мхом, почти касалась поверхности воды. Местью и алчностью горят его темные глаза под нависшими бровями и плоским, низким лбом.

Подобно детям, он разговаривает сам с собою.

— Прежде, чем солнце двадцать раз взойдет, я сдавлю Дондуру горло. Вутт хочет завладеть оружием торговца, чтобы всадить его в грудь вождя. Я подрублю сваи: пусть деревня потонет. Только Вутт один будет жить: все волы и козы, все топоры и все, все должно попасть в его руки!..

Скрежеща зубами от злобы, хватается он за одну из ближайших к нему свай, служащих опорой для серой решетки из бревен, пытается расшатать ее, но она остается неподвижной.

Осторожно плывет Вутт на край поселка. В тех местах, где светлее, он прячется под бревнами. Он видит, как оба торговца отплывают вниз по реке; чувство жгучей алчности вспыхивает в нем: он должен иметь во что бы то ни стало красное, блестящее оружие торговца.

— Вутт последует за их челном и, хотя бы за это время трижды взошло солнце, он выждет, когда оба человека заснут, и нападет на них. Вутт хочет получить оружие в свои руки...

Он отплывает в сторону и снимает звериную кожу с одного хорошо ему знакомого колышка, куда он ее тайком повесил. Это шкура козы; ноги и шея завязаны толстыми кусками ремней; на брюхе шкура сшита и засмолена.

Вутт снимает с одной ноги шнурок и, приблизив конец кожи ко рту, начинает надувать ее. Воздух со свистом врывается туда. Кожа постепенно наполняется воздухом и принимает вид животного. Наконец мешок туго надут воздухом, и Вутт вновь завязывает вдвойне концы шкуры около ног. Он усмехается.

— Никто не подарил лодки бедному Вутту, так он сам себе сшил ее. Он поплывет в ней к гнездам уток и выпьет их яйца. Он поплывет в ней к семгам и заколет их на мели. Он поплывет в ней за торговцами в челноке и будет подстерегать их, пока они не заснут!..

Всю свою одежду, до последнего куска меха, вешает он на колышек; плотнее засовывает свой каменный топор и кремневый нож, затем хватается за концы надутой кожи и бесшумно плывет вниз по реке. Едва виднеется над водой часть его лица: он прячет ее за глубоко погруженной в воду козьей шкурой.

Чем быстрее течет река, чем больше удаляется Вутт от поселка и попадает в стремнины при соединении рукавов,

тем чаще выплывает он на поверхность и тем быстрее подвигается вперед. Он направляется к правому берегу и под защитой тростника плывет с такой быстротой, которая возможна лишь благодаря его долговременным упражнениям.

Он видит уж издалека лодку-однодревку торговцев: они завязли в тростнике и с трудом выбираются оттуда.

Ему знакомо каждое место, где обычно останавливаются дикари, чтобы колоть щук или выслеживать водяную птицу. Ему кажется, что он видит двух горцев за качающимся тростником. Проплыв дальше, видит он, как оба торговца причаливают к маленькому острову.

В одно мгновение примостился он к стволу плывущего бука, гнилого и покрытого мхом, и скрылся за густыми ветвями.

Вскоре он замечает место, где причалили торговцы.

Он погружается почти до самого рта, прячась за надутой шкурой, отделяет ее едва заметным движением от дерева и направляет к другой стороне острова.

Он привязывает козью кожу между корнями ветл, затем погружает свое грязновато-желтое тело в береговой ил до тех пор, пока оно становится еще менее заметным.

Наконец, осторожно озираясь при каждом движении, Вутт скользит, словно уж, между кустами. Прислушиваясь с затаенным дыханием, приближается он к поляне посредине островка и замечает, что младший из торговцев возвращается к челноку. Вутт выжидает в чаще. Солнце стоит уже высоко на синем безоблачном небе, раскинувшемся над свежей зеленью только что распустившихся деревьев. В прибрежном тростнике раздается гоготанье диких гусей и уток и призывный крик лысухи. С шумом ударяя крыльями, плывет могучий лебедь.

Наконец Вутт замечает, как оба торговца, нагружившись мехами, направляются к северной части острова.

Вутт ползет за ними на край поляны. Кто бы мог подумать, что в этом нескладном, коротком теле скрыта способность к ловким и беззвучным движениям?

Он видит, как те двое сбрасывают на землю тюки и воются в траве.

Он вздрогнул: теперь ведь он может прокрасться к лодке, взять меч, все, что попадется еще, и незаметным образом убежать.

Он уже наполовину приподнялся было, но что-то заставило его вновь опуститься. Торговцы приподнимают один большой кусок дерна, затем другой и что-то вытаскивают из ямы. Глаза притаившегося почти готовы выскочить из орбит, сердце его стучит от алчности: мечей больше, чем пальцев на обеих руках, блестящие ручные обручи, топоры, кинжалы, ножи, даже печные горшки, все из звящего незнакомого камня.

Это открытие поразило Вутта, словно кто сдавил ему горло. Дондур теперь забыт. Пусть умрут лишь оба торговца, чтобы Вутт мог погрузить свои руки в эту бездну сокровищ. Пусть лишь один Вутт знает, где они скрыты.

Тем временем, торговцы вновь складывают заботливо свое имущество в яму, причем Сувиль часто озирается и удостоверается, что никто не подсматривает за ними. В конце концов, они бросают в углубление оба тюка с мехами и це-

лые часы усердно работают над тем, чтоб скрыть следы. Пусть никто не заподозрит, что под выровненным дерном таится клад.

Солнце приближается уже к горным вершинам на левом берегу, когда оба торговца, довольные своей работой, медленно возвращаются к лодке.

При первом их шаге Вутт отступает назад и ползет к козьей коже. Когда Сувиль и Сейво, усевшись в лодке, принялись есть плоские, жесткие и покрытые золой пшеничные лепешки, данные им на дорогу гостеприимным свайным поселком, они и не подозревали, что за ними следит Вутт, спрятавшись, как лягушка, в тростнике. Его мучает голод и, еще более, алчность.

Он обдумывает: не бросить ли ему, подкравшись поближе, каменный топор в старшего. Но он опасается промахнуться, боится, кроме того, ужасного оружия торговцев. Он страстно желает наступления ночи, ждет, чтобы оба торговца уехали с острова; он уже чувствует себя владельцем сокровища. В то же время, он страшится потерять их из виду, если они поедут слишком быстро; опасается, что они не останутся здесь на ночлег.

В то время, как он, скрываясь в тростнике, следил за тем, как медленно жуют торговцы свои лепешки, взор его случайно скользнул по левому берегу. Разве там не шевельнулось что-то в густой листве сломившейся ольхи?

Почти с испугом вперил он свой взгляд в это место, скрытое от торговцев кустами; теперь различает он там двух диких горцев; они сидят на сучьях с поднятыми копьями и уставились в воду, — собираются бить щук.

Сначала им овладевает страх: они могут отнять у него скрытый клад. Потом ярко вспыхивают его маленькие глазки.

— Горцы увидят торговцев и последуют за ними, — слышно шепчет он, разговаривая сам с собой, — горцы нападут на них ночью у костра и обглодают их кости. У Вутта же будет столько мечей и ножей, сколько он сможет унести.

Но кажется, будто горцы устали ловить рыбу: они слезают

с сучьев и уходят. В Вутте все кипит от гнева. Опираясь на козью кожу, плывет он быстрыми движениями против течения к концу острова. Немного приподнявшись, издает он крик синекрылой сойки.

Вутт знает крик горцев: он приманит их, как водяная птица своих птенцов. И действительно, немного спустя сквозь прибрежный ивняк выглянуло плосконосое лицо какого-то дикаря.

Но и в Сувиле крик сойки возбудил подозрение; он долго и внимательно осматривал кусты.

Вутт, между тем, обогнул остров и ожидает лодки у другого конца. Его так и подмывает выйти из воды, подбежать к потайному месту и полюбоваться всеми своими сокровищами.

Но он сдерживается и ожидает, когда подойдет лодка. Он только что увидел на противоположном берегу за старым стволом ивы дикаря, который скрылся в траве при появлении лодки.

Так едут Сувиль и сын его, Сейво в теплый весенний вечер к месту своего ночлега, преследуемые с двух сторон. Волны тихо плещут, ударяясь о лодку. Над берегом пролетает цапля, издавая свой хриплый крик.

Сувиль напряженно прислушивается, но ничто не обнаруживает близкой опасности. Он наблюдает за поверхностью воды; всюду плавают безбоязненно водные птицы, и не видно ни одного человека.

Рыбы выплывают кверху, обещая на завтра хорошую погоду.

Когда солнце уже совсем скрылось, торговцы направились к ближайшему острову, чтобы провести там ночь, попеременно стоя на страже до восхода солнца.

Вутт плывет вдоль правого берега, он устал и задыхается. Он видит, куда направляются торговцы на ночлег. Преследующие их горцы находятся еще за излучиной реки; вскоре будут они стоять над темнеющей поверхностью реки, не зная, что им делать и как найти отслеживаемую лодку.

Глава третья

Настало утро следующего дня.

Сегодня стоит над Рейном лишь небольшой туман; ослепительно белый солнечный свет падает на зеркальную поверхность целыми снопами лучей.

Над островом заливаются жаворонки.

Слышен громкий крик пастухов; а из поселка доносится многоголосый шум усердной работы.

Узольд, сын Дондура, сделал уже несколько ударов веслами, чтобы обогнуть остров и выехать на правый берег реки для охоты. Он едет один в своем узеньком челноке, везя с собой различные сети, два каменных топора и кремневое копье на толстом древке. Острые кремни прикреплены к рукояткам полосками ремня и место прикрепления покрыто смолой.

Соколиный крик Дондура раздается на улице поселка; сын его останавливается.

Вождь подходит к краю широких мостков, ведущих на остров.

— Пусть сын мой идет на охоту не прежде, чем услышит от Дондура добрый совет. Пусть Узольд сегодня же испробует новый топор торговца: так ли остро врезывается он в затылок зверя, как каменный топор.

С этими словами подает вождь сыну бронзовый топор, насаженный на ослепительно белую ровную осиновую рукоятку.

— Кремневым оружием учился я сражаться и не хочу сегодня братья за чужеземное, оно, может быть, разлетится, и бык приколет меня рогом к земле. Не одного уже кабана уложил я своим топором; им же выполняю я и сегодня

свое дело вождя, попробую свои силы на буйволе!

Отец кивает ему, улыбаясь.

— Сын мой умен: я тоже не доверяю блестящему лезвию, хотя оно остро резало в руке Сувиля. Да сохранит тебя Солнце, Узольд, сын мой!

Простившись Узольд уже возвращается к лодке, как вдруг откуда-то выскакивает в белой холщовой одежде Ма, седая мать его, хватается своими проворными пальцами за перила мостков и восклицает:

— Останься, Узольд, сын мой единственный! Ворон пролетел сегодня утром над моей головой. Случится несчастье: ворон и предвещает его. Сверши свое дело вождя в другой день! Сегодня же оставь дома свое копье и бей лишь семгу!

На одно мгновение сын замедлил, но, увидев смеющееся лицо Дондура, засмеялся и сам.

— Мне явилось другое знамение: Солнце обожгло мне глаза. Пусть же Солнце ведет меня. А в сумерках нынешнего дня ты мне изжаришь печень буйвола, мать!

Так восклицает юноша и отплывает с громким соколиным криком, направляясь мимо острова, тогда как седоволосая Ма смотрит ему вслед горящими глазами.

Узольд приветствует пастухов на острове и сильными ударами весел вгоняет свой челн в бухту на правом берегу реки. Там находится устье ручья. Туда направляет он свою лодку-однодревку и раскидывает поперек ручья сеть, к которой снизу привязаны камни.

Он выходит из лодки, быстро карабкается на крутой берег, идет в глубь острова; затем возвращается, бросается вдруг с громким криком в ручей и ударами палки с шумом гонит рыб в раскинутую сеть. Медленно втаскивает он невод в лодку. Семь белорыбиц и семга в руку длинной мечутся на дне челнока, сверкая на солнце чешуей; Узольд закалывает их быстрыми и ловкими ударами. Свернув затем невод, он едет дальше вдоль берега. Беззвучно скользит его челн по зеркальной поверхности.

Узольд направляет лодку вниз по течению; он едет к тихим заливам перед первыми порогами. Там много тростника, широких листьев гнилопашки, высокого шильника и

кувшинок. На мягкой илистой почве рассеяны кусты ивняка и ольшаника, покрытые свежими, сочными, зелеными листочками.

Туда часто приходят с гор по утрам могучие буйволы, чтобы рыться в прохладном иле и вылавливать корни водяных растений. Здесь будет Узольд, притаившись, ждать буйвола. Удастся ли ему одному убить его, чтобы в знак достигнутого совершеннолетия привезти с собой головное украшение могучего зверя? Задача эта нелегка, но обычай требует от сына вождя ее выполнить; к тому же Узольд и не заботится о том, удастся ли ему нападение. Он опасается единственно того, чтобы крупные звери не пришли на водопой в другом месте.

Все ближе продвигается он сквозь камыш к берегу. Свалившийся вяз дает ему возможность причалить. Горя желанием хорошо подготовиться к предстоящему делу, пробирается он по низине, чтобы исследовать следы и установить, не приходили ли буйволы сюда накануне и не вернулись ли они уже в горы. Его стройная фигура одета в потертые кожи, тесно прилегающие к телу.

Но на всей траве, истоптанной многочисленными широкими раздвоенными копытами, еще блестят светлые капельки ночной росы.

Заботливо исследовав, насколько болотистая почва может сдержать его, возвращается юный охотник вновь к лежащему вязу, привязывает лодку, берет свои приспособления для охоты: сеть, сплетенную из широких полос оленьей кожи, с крупными петлями, копьё и топор, и скрывается между кривыми ветвями свалившегося гигантского дерева из первобытного леса.

Теперь он не двигает ни рукой, ни головой, ни ногой; только глаза его медленно наблюдают за заливом. Навострив ухо, прислушивается он: не раздастся ли глухой шум спускающегося с гор стада буйволов. Но горные вершины кажутся безмолвными. Зато внизу, в болотной трясине, кипит деятельная жизнь. Стройная болотная курочка с красным хохолком на головке неслышно расхаживает по листьям кувшинки, едва касаясь их своими тонкими зелеными нож-

ками; на краю чащи раздается короткий жалобный крик лысухи; пронзительно квакают лягушки, а в некотором отдалении раздается кряканье и гоготанье уток и гусей, которые ищут в воде пищу своими широкими клювами.

Неподвижно держится на мели двухфутовая щука, греясь на солнце; если бы плавники ее изредка не двигались слегка, ее можно было бы принять за кусок дерева, покрытый зеленым мхом.

Солнце поднимается выше и, отражаясь на поверхности реки, проникает в убежище Узольда.

Его рука вздрагивает неоднократно, намереваясь копьём поразить щуку, но он сдерживает свой пыл, прибегая его для другой, высшей задачи.

Треск сучьев заставляет его прислушиваться с замиранием сердца; но треск этот быстро замолк. Это был, вероятно, только олень, пробежавший сквозь чащу. Узольд ждет.

Внезапно встает в его памяти яркая картина: кровавое растерзанное тело охотника Брумы. Два года прошло уже с тех пор. Другие охотники принесли его домой после охоты на буйволов.

Зверь проколол ему рогами грудь и раздробил копытами кости ног; он лежал в челноке без признаков жизни, а его молодая жена, громко рыдая, ударяла себя кулаками по лицу. Эта картина встала теперь во всем ужасе перед Узольдом. Ему вспомнилось предостережение матери, полет ворона. Он стискивает зубы и старается побороть в себе жуткое чувство, но страх невидимыми руками сжимает ему горло.

Из лесного ущелья вдруг раздается ритмический шум; лесная почва гудит, словно под ударами тяжелых молотов. Слышно, как раскалываются куски дерева, как хрустят растоптанные кусты; из ущелья шум все более и более приближается к заливу.

Одним усилием рассеял Узольд все картины ужаса.

Он взволнованно осматривает, стараясь оставаться неподвижным, свое оружие и готовится одним прыжком очутиться на земле.

Грузные буйволы пробиваются сквозь чащу высокого леса и бросаются на рыхлую почву; тонкий покров из растений шлепает под ударами их бурых ног; из-за кустов показываются огромные круглые бурые затылки шести животных.

Вскоре они разделяются: трое идут, фыркая, вниз по реке; двое других возвращаются на берег после кратковременного купания в иле и начинают щипать траву под гигантскими деревьями.

Только один направляется к убежищу, где спрятался молодой охотник. Он, очевидно, жаждет выкупаться в глубоком иле и потереться о заплесневевшую кору дерева, чтобы отогнать мучающих его насекомых. Он уже перешел через узкую песчаную косу, которая, подобно дамбе, делит прибрежное болото на две части; вот он стоит уже лицом к течению, погрузившись по грудь в клокочущую тину.

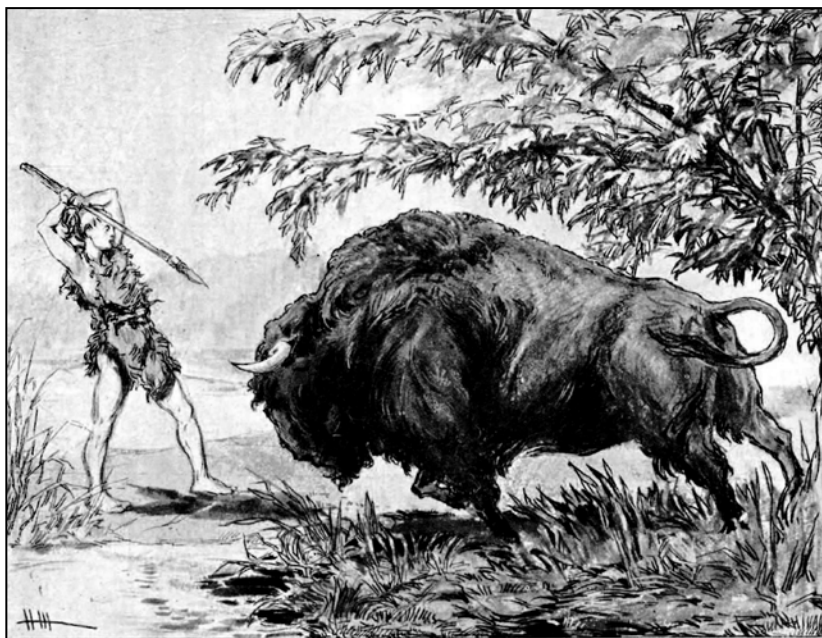
Неслышными прыжками пробивается Узольд к нему через песчаную косу. Один момент, — и тяжелая кожаная сеть накинута на могучую голову.

Сын вождя стоит на песке, широко расставив ноги; топоры у него наготове, копые прислонено к земле. Бык быстро обернулся. Задыхаясь, заметил он ничтожного неприятеля; с глухим ревом трясет он головой; шлепая, вытаскивает из ила переднюю ногу и старается стряхнуть с себя сеть, но и нога тоже запутывается в ней, и, когда он собирается вновь ступить на землю, крепкая сеть тянет его голову вниз.

Испуская крик, Узольд изо всех сил бросает большой каменный топор в лоб буйвола.

Свистящий камень почти исчезает в черепа животного; кровь струится ручьем, когда оружие отскакивает в воду. Ослепленный кровавым потоком, гигант с ревом встряхивается, встает, ищет задними ногами более твердой почвы, подается назад передней частью тела и с отчаянной силой дергает сеть.

Узольд уже собирается поразить его копьём, как вдруг позади сражающихся возникает какой-то шум. Охотник оборачивается на один лишь момент и видит, как другие буйволы обращаются в бегство. В это мгновение, однако, быку

удается прорвать сеть второй ногой; окровавленная голова его свободна; могучий затылок опускается. Буйвол хлещет себя хвостом по бедрам и ужасным движением устремляется на противника. Копье ломается. Узольд спасается прыжком в болото; бешеный бык бросается за ним; черный тонкий ил доходит уже до груди несчастного бойца; свирепый зверь подходит все ближе, готовясь втоптать напавшего на него смельчака в мокрую могилу.

Узольд подается в сторону. Он чувствует, что промок до плеч. Мимолетно вспоминает он отца, Ма, ворона, распоротый бок Брумы.

Вдруг слышит он резкий крик:

— В сторону, охотник, в сторону!

Позади быка раздается плеск; оружие блеснуло в воздухе и вдруг могучий обитатель гор падает, словно сраженный молнией.

Узольд цепляется за кусты и тростник и спасается на песчаную косу. Перед ним стоит с окровавленным медным

мечом в руках, с лицом и руками, исцарапанными шипами, его спаситель, торговец Сувиль. Вид у него такой, как у дикого горца.

Оба они задыхаются и не имеют сил заговорить.

— Узольд, сын Дондура, сражался с буйволом, — хриплым голосом произносит наконец Сувиль.

— Сувиль спас его под копытами буйвола. Узольд был бы теперь охотником в лесах полуночи, где охотятся души усопших; Сувиль же подарил ему Солнце. Узольд будет его благодарить за это лето и зиму. Пусть Сувиль возьмет все меха.

Тот прерывает его и говорит теперь уже более спокойно:

— Сувиль не зарится на меха. Сувиль беднее самого бедного пастуха на сваях.

Тем временем оба они свили веревку из остатков сети и соединенными силами втаскивают на песчаную косу буйвола, который уже погрузился в ил.

Обессиленные, усаживаются они затем на плотной бурой шерсти, с которой потоками сбегает вода.

— Почему речь Сувиля так грустна, хотя он совершил богатырский подвиг, убив буйвола? — спрашивает Узольд, у которого все еще дрожат члены от напряжения и только что пережитой опасности. Он кладет руку на плечо мрачно сидящего рядом с ним торговца. — Почему Сувиль называет себя бедным и почему не едет он с сыном своим, Сейво, по реке на север?

Из груди Сувиля вырывается глубокий стон.

— Когда я уезжал от вас, был у меня сын, Узольд, ловил со мной ленивого карпа и выслеживал оленя.

— Это — Сейво, которого я люблю как родного брата, — прерывает его молодой охотник, — что случилось с ним?

— Когда солнце зашло, мы причалили к острову. Ночью явилось туда и напало на нас много диких горцев. Чья-то злодейская рука проломила нашу лодку, так что она наполовину погрузилась в воду. Мы поплыли к правому берегу. Некоторые из горцев не умели плыть: им нужно уцепиться за дерево, чтобы добраться до острова. Другие же (их было

человек десять) преследовали нас до самого берега. Мы бежали в лес, но скоро ночь разлучила нас. Я слышал, правда, крик Сейво, что его одолели. Меня преследовали четверо. Одного заколол я мечом, других удалось обойти хитростью, и я устремился к берегу, откуда доносился крик. Там увидел я при бледном сиянии месяца, как дикари тащили Сейво, единственного сына Сувиля, через реку, привязав его к куску дерева. Громким голосом призывал он отца бежать в свайный поселок и молить о помощи, и громким голосом крикнул ему Сувиль, что он это сделает и не будет знать покоя до тех пор, пока Сейво опять не будет на свободе. Дикари вновь напали на его след и с ревом начали преследовать его, но Сувиль, подобно оленю, понесся по горному лесу, и они потеряли его из виду.

Узольд поник головой и не может произнести ни слова: так потрясло его известие о судьбе его юного друга.

— Быть может, убит он на берегу, — начинает опять старик, и глубокие морщины скорби появляются на его лице. — Быть может, дикие горцы утопили его еще посреди реки; но, может быть, — и при этих словах отец поднимает свое искаженное лицо к Узольду и неподвижно смотрит на него, — быть может, они тащат его к своим пещерам в самую глубину гор, чтобы медленно замучить его до смерти, сделав его украшением своих отвратительных плясок.

Безмолвно слушает юноша.

— Узольд молчит, так как он не понимает, каким образом такой торговец, как Сувиль, может дать себя ночью обмануть. Когда мы причалили к острову, он был пуст: я сам осмотрел его со всех сторон. Не было найдено ни одного свежего следа. На берегу тоже было тихо. Но, когда наступили сумерки, часто раздавался из чащи крик сойки, причем ни Сейво, ни я не видели этой птицы. А потом вспыхнул...

— Крик сойки — это крик диких горцев, говорит старый Граун, и мы уже не раз заманивали их таким образом в западню, где их ожидала смерть, — вставляет Узольд.

— А потом вспыхнул, — рассказывает далее Сувиль, — внезапно, когда уже совсем стемнело, на конце острова огонь, чья-то рука описывала огненный круг; когда мы поспеши-

ли туда с оружием, то не нашли никого. Будь там прибрежный тростник, я подумал бы, что враг засел там; но берег был покатым и обнаженный. И когда мы уже собирались идти к лодке, чтобы покинуть опасное место, среди ночной мглы явились вдруг дикие горцы, а когда нам удалось добраться к лодке, мы нашли ее наполнившуюся водой. Так случилось это. На ближайшем повороте хотел я переплыть реку, добраться до свайного поселка и призвать на помощь Дондура, как вдруг услышал в этом болоте шум борьбы.

— Сувиль, послушай меня, — взволнованно говорит молодой воин. — Если горцы не убили Сейво сразу, а потащили его через реку, значит, они хотят приберечь его до воинских плясок. Сувиль, сын твой Сейво жив еще, так как ужасные пляски начнутся не раньше того, как будут созданы на это зрелище соседние племена. После этого они отправляются в поход. Так было четыре зимы тому назад, когда в их руки попали трое пастухов из поселка у Драконовой скалы. Десять дней сидели они на берегу у Драконовой скалы; и лишь тогда, когда Дондур с нашими поспешил на лодках на помощь к двоюродному брату Эзо, тамошнему главарю, бежали они в горы. Трое же пастухов умерли перед тем возле пещер, и дымящийся костер заглушил их предсмертные вопли.

Сувиль вздрагивает от отчаяния. Узольд продолжает, кладя свою правую руку в руку своего спасителя:

— Узольд пойдет вместе с Сувилем на освобождение своего брата Сейво, либо найдет смерть. Узольд расскажет своему отцу Дондуру, как Сувиль спас его от копыт буйвола, и Дондур возьмет его под свою защиту. Но теперь идем в свайный поселок.

Сувиль благодарит юного воина за его обещание и вонзает затем изо всех сил свой меч в грудь убитого быка. Он собирает в пригоршни дымящуюся кровь и пьет ее жадными глотками. Узольд также пьет и ощущает в себе новую силу.

Но вдруг оба одновременно вскакивают: шагах в пятидесяти от них зашевелился тростник, из которого высунулась круглая плосколицая голова дикого горца. Увидев их,

он мгновенно скрылся.

— В лодку! — кричит Узольд и прыгает вперед.

Но в воздухе уже раздается многоголосый и нестройный крик горцев.

— Они все-таки нашли мои следы и преследовали меня, — восклицает Сувиль, прыгая вслед за Узольдом в лодку, которую последний отталкивает от вяза сильным движением ноги и направляет в более глубокое место. Челн пролагает себе путь через тростник. Человек восемь или десять дикарей показываются в кустах и издают крики разочарования.

Узольд громко кричит по-соколиному. За неимением второго весла Сувиль схватил перекладину и начинает грести ею, стоя на коленях в лодке.

Лодка мчится вперед, пересекая реку по направлению к противоположному берегу. Позади раздаются пронзительные крики горцев, нашедших буйвола и собирающихся делить неожиданную добычу.

Глава четвертая

Солнце стоит уже высоко; скоро полдень. Быстро приближается к свайному поселку челн Узольда и Сувиля. Младший из путников часто кричит по-соколиному.

Дондур, думая, что сын его едет с желанной добычей, спешит к проходу; несколько человек следуют за ним, чтобы приветствовать сына вождя.

С изумлением видят они в лодке второго человека. Еще более поражен Дондур, узнав в этом последнем Сувиля; в то же время он стыдится того, что над краем лодки не торчат желанные рога буйвола.

На быстрые вопросы причаливающие дают быстрые ответы.

Услышав о том, что произошло, и выслушав просьбу Сувиля, Дондур отправляется, не теряя слов, в дом собраний; при каждом его шаге то и дело гремят искривленные кабаньи зубы, нанизанные в виде длинной цепи вокруг шеи.

Глаза старой матери, Ма, сияют от радости при виде возвращающегося сына; но ее грубо отсылают. Вождь берет большой бычачий рог, просверленный до вершины, и прикладывает его ко рту. Рог издает протяжные звуки, похожие на рев; они гремят все сильнее.

Свайный поселок, доселе тихий и мирный, становится вскоре беспокойным, словно рой пчел на отлете.

Мужчины спешат со всех сторон к дому собраний. С острова приходят пастухи и женщины, обрабатывавшие там почву кривыми деревянными мотыгами; последние из любопытства или из робости следуют за своими мужьями. Дети с криком прячутся в хижинах; с левого берега спешат двое охотников, а рыбаки в своих челнах тоже плывут по направлению к поселку.

Но для Сувиля, которого мучает нетерпение, собрание собирается все-таки недостаточно быстро. Стоит он бледный и следит за тем, как над горами левого берега поднимаются огромные тучи, застилая солнце. Он думает о том, что, быть может, как раз теперь взоры его сына прикованы к этим тучам; что, быть может, как раз теперь предстоит Сейво мучительная смерть.

Узольд зовет его в дом собраний.

Большое помещение полно. Одни из мужчин лежат на буйволовых и оленьих шкурах; другие сидят на кусках древесных корней; пастухи стоят, опершись на свои дубины, а охотники и рыболовы, недовольные внезапной помехой, едва сдерживают свое любопытство и нетерпение.

Шкуры на охотниках еще не успели высохнуть, а на коленях рыболовов висят еще гирляндами водоросли. Сувиль и Узольд усаживаются безмолвно возле ремесленников, которые перешептываются друг с другом о причине тревоги. Вот оба горшечника; руки их еще вымазаны вязкой сероватой глиной; глина и пыль покрывают их до самых волос. Рядом с ними уселись циновочники и изготовители сетей; здесь же и Больма, который умеет вырезать из ясеневое дерево крепкие рукоятки, а из мягких тополей разнообразную посуду: чаны, горшки и ложки.

— Пусть внимают словам моим жители свай! — раздается голос Дондура.

И тотчас же смолкает многоголосый шум разговоров и шепот. Становится так тихо, что слышен плеск струй о сваи. Дондур заговорил опять:

— Глаза мои обращены на полдень. Прошло восемь дней с тех пор, как в той стороне видели толпу диких горцев. Они забрали наши сети и унесли их с собою в горы. Глаза

мои обращены на восход солнца. Узольд, сын мой, видел сегодня утром более десяти человек горцев: они взяли с собою буйвола, которого заколол Сувиль, наш гость. Я обращаю свой взор на полночь. Вчера при свете месяца на втором острове напали на нашего гостя. Сейво, его сына, дикари связали и утащили в свое убежище. К закату обращены глаза мои, и я вижу огни многих горцев: они готовятся к военной пляске. Кто возвысит свой голос против диких?

Тогда вскакивает притаившийся в углу старец Граун, потрясает своей щетинистой седой бородой и спрашивает:

— Когда наш гость Сувиль отплывал от нас вчера в лодке, с ним был Сейво, сын его. Куда же девался молодой торговец? Глаза Сувиля омрачены.

Сувиль рассказывает о происшествии. Граун потрясает топором и восклицает:

— Поход на диких!

В ответ раздается нестройный гул голосов. Ремесленники взволнованно вскакивают и потрясают кулаками. Охотники скучиваются вокруг старика Грауна, который встал возле Дондура, вытянувшись во весь свой рост.

Дондур требует молчания.

Пока пастухи стараются успокоить ремесленников, Дондур спрашивает:

— Не грозят ли дикари нам, нашим женам, нашим детям и нашим стадам?

— На острове не показывался ни один дикарь; род карликов избегает наш свайный поселок! — кричит один из горшечников, беспокойно потирая руку об руку, словно готовясь месить мягкую глину. При одной лишь мысли о походе лицо его искажается.

Больша, выделяющий рукоятки, тихо уговаривает его; он надеется, что если поход будет решен, то нужно будет вырезать много рукояток. Быстро высчитывает он, сколько может получить за них коз.

Теперь вставляют свое слово охотники:

— Не пройдешь двух шагов по лесу на левом берегу, как наткнешься на след диких горцев!

Они спрашивают: что случилось с Урдином и с высоким

Аско, который копьём мог одолеть в одиночку самого бурого медведя. Однажды вечером они ушли и уже больше не вернулись. Хижины их опустели, а жены их ходят, выпрашивая куски вареного мяса.

В этот миг врывается молодая женщина из группы других женщин, стоящих у входа в дом собраний.

— Так это, так! — восклицает она, рыдая и заламывая руки. — Моего Аско утащили дикари. Вы должны отомстить за него, если вы только мужчины!

Но старый Граун уже зажимает ей рот своей рукой и вытаскивает из дома. Поднимается пастух. Все взоры обращены на него. Он почти такого же возраста, как Граун, и в былые времена принимал участие в первых боях с дикарями. Говорит он неохотно, так как язык его с трудом ворочается и часто заплетается. Он заикается и останавливается, потому-то он — самый молчаливый на сваях и делает свое дело зиму и лето, не говоря ни слова. Но товарищи называют его «Буйволом» за его бычачий затылок и страшную силу.

— На острове скрещиваются много следов, — говорит он, — кто различит их? Но есть ли среди вас хоть один, кто носил бы такое украшение?

Он поднимает маленький кожаный мешочек, который был привязан к его поясу.

Граун и охотники проталкиваются к нему, развязывают мешочек и открывают в нем немного сырой ярко-красной земли.

— Вот военная краска горцев. Отправляясь в поход, все они покрывают себе ею лоб. Это известно всем нам, — могучим голосом говорит Граун. — Пусть Буйвол Сильный скажет нам, где он нашел мешок.

И все ждут ответа от седоволосого молчаливого пастуха, но он начал заикаться, не может произнести ни слова и лишь знаком показывает по направлению острова.

— На острове? когда? где? Почему Буйвол не сказал нам этого? — резко раздаются взволнованные голоса.

Сувиль кусает себе губы. Он очень бледен. Он думает о своем сыне и о драгоценном времени, которое проходит зря.

Дондур заметил это и старается добиться ответа от ста-

рика.

— Сегодня рано утром на том месте, где мы обычно причаливаем на лодках к острову.

— Мешочек был у Вутта! — кричит один из валяльщи-ков глины.

— Что делать Вутту с краской? — возражают ему. — Нет, это дикари подкрадываются к нам. Они следят за нашими полями и стадами; завтра придут они и отнимут у нас детей. В поход, пока еще не поздно. В поход, пока карлики еще не успели собраться из всех далеких пещер.

— В поход, в поход! — гремят голоса пастухов, охотников и рыболовов, заглушая возражения ремесленников.

— В поход! — ликует старый Граун.

Дондур поднимает копье и восклицает:

— В поход! Но я должен спросить вас еще об одном. У меня есть гость по имени Сувиль. Он привозит орудия и обменивает их на меха диких зверей. Он дал нам топоры из коричневого блестящего металла, острее наших. Никогда он не обманывал нас и всегда держал свое слово.

Сувиль опускает голову, он вспоминает о том, что говорил ему сын его Сейво по пути к несчастному острову, но его тонко очерченный рот не выдает того, что у него на душе.

Одобрительный ропот встречает слова вождя. Тот продолжает:

— Сувиль привез с собой сына, который охотился в горах с Узольдом, сыном Дондура, и ловил с ним щук на отмели. Теперь сидит Сувиль одиноко среди нас. Сына его уволокли с собой горцы. Они пришли в сумерках и напали с топорами. Кто из вас хочет отправить Сувиля на родину, чтобы он мог сказать там: «Были у меня на сваях гостеприимные хозяева, но ни один из них не пошевелинул и пальцем, когда в ночном бою был похищен мой сын»?

— Никто не хочет, чтобы Сувиль сказал это, — быстро заметил старик Граун. — Его беда — наша беда. Пусть даст он нам свою руку с длинным коричневым ножом. Мы же в свою очередь даем ему свои руки и освободим его сына!

Вождь обращается к пастухам и охотникам:

— Что скажут пастухи и охотники?

— Мы не знаем Сувиля: мы почти не видели его до сегодняшнего дня. Но мы видим опущенную голову человека, у которого коварные, беспощадные враги отняли сына. Мы слышим, что Дондур, вождь, опечален бесчестием гостя. Мы предлагаем чужеземцу нашу руку!

— Благодарю вас, мужи, — говорит Дондур. — Но я вижу, что некоторые сидят молча.

Пристально смотрит вождь на ремесленников, которые понемногу передвинулись в угол и что-то недовольно бормочут себе под нос.

Больма, резчик рукояток, недолго думая восклицает:

— Я отдам торговцу свою лучшую ясеневую рукоятку; пусть он даст мне в обмен за нее один из его острых коричневых топоров или хоть бы пару наконечников для стрел!

Сувиль тогда выпрямляется и, широко простирая руки, отвечает:

— Мне нечего обменивать. Все, что было у Сувиля и Сейво с собой, — все топоры, мечи и наконечники копий, — все похитили у нас дикие. Я стал совсем беден: у меня остался лишь мой собственный меч и два топора!

После этого на мгновение наступила тишина. Кажется лишь, что волны несколько громче плещут, ударяясь о сваи. Слышится будто какой-то шум, но взволнованные люди не обращают на него внимания, полагая, что под полом дома по обыкновению плавают взад и вперед утки в поисках за остатками пищи.

И все-таки в воде стоит кто-то. Он стоит на хорошо знакомом ему месте, прислонившись к широкой деревянной колоде и наполовину погрузившись в волны, и прислушивается к каждому слову, которое произносится наверху.

Когда Сувиля спрашивают об оружии, содрогается сердце этого человека в воде, под защитой полутьмы. Он боится, что Сувиль выдаст его тайну о спрятанном оружии, но теперь, когда Сувиль лжет, по лицу его, к которому прилипли тина и кувшинки, пробегает широкая усмешка.

— Вутту нечего бояться: хитрый торговец не проговорится о том, что на первом острове, лежащем к полуночи, хранится у Вутта много-много штук оружия, а кроме того,

меха и котлы, — шипит он себе под нос с тихой усмешкой.

В доме собраний тем временем, после продолжительного колебания, согласились на поход также и горшечники, циновочники и другие ремесленники.

Дондур берется за рог, и трижды раздается среди собравшихся глухой трубный звук.

— Не бросаться в лес, очертя голову, как несмышленные дети, — говорит он затем, откладывая рог, — иначе горцы нас одолеют. Пошлем разведчиков.

— Слово вождя нашего мудро, — говорит Граун.

Юный Узольд вскакивает и восклицает:

— Я пойду с Сувилем в горы освободить Сейво, моего товарища по охоте, и разведать, что делается у карликов!

Старик Граун, мастерски умеющий метать камни, улыбается и говорит:

— Пусть Узольд идет разведчиком, но прежде скажут седобородые мужи. Мне сдается, что дикие карлики тоже готовятся к борьбе. Не так ли было дело и в деревне Эзо, у Драконовой скалы? Коли они кишмя кишат в окрестностях, значит, они замышляют нападение. Отправить разведчиков необходимо. Но мы должны быть теперь настороже: не напрасно нашел Буйвол военную краску в том месте, где причаливают лодки. Ее потерял соглядатай, считавший ночью наши хижины. Мы должны усилить нашу стражу и приготовиться!

В знак согласия со своим храбрым товарищем Дондур кивает головой. Затем его зоркий глаз спокойно пробегает по рядам собравшихся. Он словно заглядывает в сердце каждого из них. Около группы охотников останавливается он.

— Сувиль герой, — говорит он опять. — Одним ударом поразил он насмерть буйвола. Его влечет к пленному сыну; он хочет идти с разведчиками.

Сувиль кивает головой.

— Узольду, сыну Дондура, не посчастливилось в борьбе с быком. Он хочет вновь попробовать свое мужество и идти разведчиком.

Узольд стоит с горящими глазами рядом с Сувилем, крепко сжимая в руках оружие.

— Я пошлю с вами третьего скорохода, владеющего луком и стрелами. Он бежит так быстро, что от него не может ускользнуть и олень. Он знает каждый след, человеческий и звериный.

— Это Кейэр! — кричат мужчины, гремя оружием.

Кейэр, не принимавший до сих пор никакого участия в совещании, встает и подходит к обоим товарищам.

— Сувиль и Узольд! Я готов. Идемте же прежде, чем у женщин потекут из глаз слезы!..

Крупными шагами идет он за ними к выходу.

Забежав в одну из хижин, он хватает на ходу несколько пшеничных лепешек и надевает на себя медвежью шкуру. Все трое приводят в порядок свое оружие и садятся затем в лодку, которой управляет худенький мальчик.

Разведчики решили пристать к самой непроходимой части берега. Лодка летит туда, словно птица, так как Сувиль, тоскуя о сыне, помогает мальчику грести.

Когда челнок с разведчиками проходил мимо деревни, Вутт спрятался еще глубже в своем тайнике. Теперь он снова прислушивается к нестройным голосам участников собрания. Он различает пронзительные тревожные крики женщин, которые только теперь поняли, что над деревней собирается гроза. Он слышит глухие стоны пожилой жены Кейэра, — она ожидала в своей хижине мужа из дома собраний и услышала теперь, что он уже отправился в горы.

В душе Вутта разлад. Он хотел бы сейчас вернуться к тому месту, где спрятано оружие, но говорит себе в то же время, что козья кожа уже стала непрочна, и ее нужно сперва починить; едва снесла она его ночью на обратном пути в свайный поселок. Но его тянет так же неудержимо и за Сувилем. Он надеется напасть на него в лесу на горах. Удар топора среди темной ночи. Никто не узнает, кем он был нанесен. И навеки закроются уста, которые могли выдать тайну Вутта. Так блуждают злые мысли в голове найденыша, воспитанного Дондуром...

Но вот как будто он нашел решение. Он выпрямляется, смывает грязь с лица и влезает наверх по одной из лестниц, ведущих к хижинам.

Глава пятая

Едва лишь женщины подняли плач, как смирил их повелительный жест Дондура. Теперь они хлопотливо суетятся в хижинах, приготовляя для мужей пищу и медовый напиток. Другие несут оленье и бычачьи шкуры и расставляют между собравшимися деревянные колоды. Третьи приносят сплетенные из ивовых прутьев корзинки с сушеными яблоками и кожаный мешок, наполненный орехами.

Какая-то старушка тащит горшок вареных ягод кизила. Хотя она почти уже ослепла, она знает каждое кизилковое дерево в лесу. Когда поспевают ягоды, она изо дня в день собирает их и сушит на раскаленных камнях. Никто не умеет готовить из сушеных ягод такого вкусного варенья, как она. Горшечники уже подобрались к ее посудине и вылавливают своими длинными пальцами содержимое; при этом они прищелкивают языком, а мрачные лица их теперь проясняются. Старая Ма ведет с собой большую охотничью собаку Узольда, Уддо, и просит Дондура привязать ее самым крепким ремнем, так как благородное животное рвется из всех сил, видя, что господин в охотничьей одежде отправляется в горы. Дондур привязывает собаку ремнем, сплетенным из оленьей кожи, крепчайшим из всех ремней, какие имеются у него.

Тем временем подаются разнообразные кушанья. Ма приносит на большом блюде красную семгу. В широком сосуде дымится кусок окорока. Кроме того, лежат на колодах

листья щавеля и стоят тарелки с горячей мучной кашей.

Женщины наполняют медом обширный деревянный чан.

Перед началом пира входят шесть стройных девушек в расцвете первой юности, одетых в белую полотняную одежду, и возлагают венок из водяных цветов и хмеля на огромный бычачий череп, который висит на деревянной стене против единственного, на запад, светового отверстия. Густой зеленый венок то и дело качается на бурых рогах. Дондур берет круговую чашу, наполняет ее сладким медом, сливает пену на землю перед головою быка и сам пьет из нее первый глоток.

Потом он передает чашу Грауну, мастерски умеющему метать камни, и тот осушает ее до дна.

После того, как женщины уходят, начинается шумное пиршество мужчин. Вскоре приходится доливать чан с медом, а при входе в дом собраний ожидают мальчики с блестящими глазами; готовясь отнести пустые блюда матерям и принести новую пищу, они с жадностью прислушиваются к тому, как пирующие восхваляют славные подвиги богатырей.

Граун вытаскивает полый ивовый сук, покрытый куском шкуры, на котором натянута три жилы.

Пастух по прозвищу «Буйвол», насытившись, поднимается и идет к своему стаду. Сторож Вальдун берет с собой еще кружку меда, затем обходит вокруг всех домов, зорко разглядывает берег, — нигде не видно неприятеля.

Граун берет по просьбе товарищей инструмент на колени, ударяет по жилам: раздается глухое жужжанье и он начинает говорить нараспев. Последние слова он так выкрикивает, что дрожат деревянные стены дома.

— В реке нашей плавают светлые рыбы: щуки, окуни, и семги. Пусть попадут они в наши сети на полдень и на полночь, — так далеко, как могут плыть наши челноки!

— Да поможет нам в этом Солнце! — вставляют слушатели.

Граун продолжает:

— На день отсюда вверх, при двух реках жили на сваях люди одного племени с родом Дондура. Наше счастье, что они нам более не угрожают. Это были искусные рыбаки,

плававшие на крепких челноках, ловкие охотники и копьеметатели.

— Наше счастье, что они нам более не угрожают! — восклицает толпа, а Дондур кивает головой, вспоминая былые времена.

— Два человека выехали утром из поселка Дондур вверх по течению с неводами, ловить рыбу. Они радовались, ожидая богатого улова. Но у них отняли сети и разбили лодку; один из них, раненый, бежал. Это дело свершили трое с полудня, оттуда, где реки соединяются. Они не потерпели поблизости от себя наших неводов. Одного из наших убили они, и весь окровавленный упал он в воду.

Дондур, получил эту весть, вскочил и созвал охотников и пастухов, всех до одного. Дважды десять лодок наполнил он людьми с топорами, мечами, луком и стрелами, с копьями и со всяким оружием. Весла ударили по волнам, и еще до вечерней зари прибыли наши витязи к свайному поселку врагов. Мы отняли у разбойников дважды две лодки, наполненные рыбой, неводами и мясом. Людей же поразило насмерть наше оружие.

Храбрецы приплыли для борьбы: их было трижды десять лодок. Было темно и серые сумерки над землей; но мы отомстили за убитого рыболова и прогнали их обратно на их сваи. Кой у кого из них свалилась в волны голова.

Но, когда мы устремились на хижину, нас постигла печальная судьба. Десять и два человека из наших охотников и рыболовов были сражены каменным топором. Когда Дондур позвал нас в безопасное место на берегу, среди нас едва ли был кто-либо, у кого с чела не струилась бы кровь.

Они видели, что мы бежим к родной деревне и начали глумиться над нами. Но в ближайшем заливе, за излучиной, мы собрались вновь, ожидая полуночи.

Дондур велел притащить три челнока. Мы связали их ивовыми прутьями и наложили в них хворосту, сухого тростника и сосновой смолы.

В полночь запалили мы в лодках огонь и потащили их к деревянным постройкам. Течение погнало их дальше, и в хижинах вскоре вспыхнули огненные языки. Те, кто пытал-

ся потушить пламя, были перебиты нашим свирепым оружием. Враг обратился в бегство на челноках, издавая крики и вопли.

На дымящиеся развалины поселка смотрело утром Солнце.

— Эти люди никогда более не убивали рыболовов на нашей реке, — восклицают сидящие на шкурах, и возглас этот повторяют с горящими глазами и мальчишки, стоящие у входа.

Неисчерпаемым потоком льются речи о былом времени, о битвах давно минувших дней и о славе предков. Дондур подносит Грауну меду.

Тем временем сторож Вальдун упорно рассказывает вокруг поселка. К нему подходит Вутт.

— Глаза Вальдуна заклеены листьями, — говорит он с усмешкой, — или же взор его затуманился от крепкого меда.

Сторож уже поднял руку, чтобы дать дерзкому пощечину, но тот быстро зашипел:

— Слышал ли Вальдун, как на том берегу с криком бежали из тростника утки и лысухи? За ветвями кустов Вутт видел головы диких горцев!

Встревоженный Вальдун идет на самый край обходной тропинки и рассматривает оттуда указанное место.

Тем временем Вутт уплывает вниз по течению, незамеченный зорким глазом сторожа. Впереди его плывет быстрее, чем он, собака, и они оба вскоре исчезают за прибрежным ивняком.

Когда Вальдун, успокоившись, возобновляет свой обход, ветви ивняка уже сомкнулись за Вуттом, и сторож слышит лишь отчаянный лай собаки из леса.

В доме собраний раздаются возгласы, подхваченные многими голосами. Облако, заслонявшее солнце, перед закатом рассеялось, и последний солнечный луч скользнул сквозь узкое световое отверстие на увенчанный цветами бычачий череп. Это благое предзнаменование, и мужчины приветствуют его, потрясая оружием.

Дондур указал каждому работу на завтрашний день.

Глава шестая

Трое разведчиков причаливают после быстрой езды к берегу напротив того острова, где произошло ночное нападение. Кейэр и Узольд гребли попеременно с мальчиком. Сувиль беспрестанно торопил их.

Мальчик исчезает, словно тень, в лесу. Разведчики условливаются, где встретиться. Крик вороны будет знаком, по которому они узнают друг друга. Затем каждый из них идет на поиски по следам неприятеля.

Сувиль предполагает поискать на берегу деревянную колоду, к которой был привязан его сын. Узольд собирается осмотреть тростник. Кейэр же, которому знакомы дороги, поднимается далее на горы. Он знает, по каким ущельям обыкновенно спускаются с гор дикари.

Он надевает на лоб медвежью голову, висящую у шкуры, и закутывает руки. В таком виде прокрадывается скороход в чащу. Он отыскивает ручей с песчаным дном; медленно проходя по нему, он напряженно рассматривает оба берега: не растоптаны ли где-нибудь листья гнилопашки; не покажется ли след человеческой ноги; не висит ли на каком-либо сучке сломанная, увядшая ветка.

Когда Кейэр отошел уже довольно далеко от реки, он нагнулся и рассматривает внимательно ложе ручья. Оно

становится в этом месте глубже и покрыто смесью мелкого песка с упругим слоем глины. Он быстро выпрямляется, прикладывает обе руки воронкой ко рту, издает сиплый крик вороны, садится на берегу ручья и ждет, прислушиваясь в то же время: найдут ли его товарищи. Еще несколько раз повторяет он карканье вороны, оглашающее узкую долину.

Сувиль подходит первым.

— Были ли у Сейво на ногах подошвы, когда его взяли в плен?

— Да, это было так, — быстро отвечает Сувиль.

Скороход молча указывает на ложе ручья.

— Здесь перекрещиваются многочисленные следы, но на одном из них не видно пальцев, а лишь обозначилась гладкая подошва.

— Это — след Сейво, — коротко отвечает торговец.

В это время подходит и Узольд.

— Пусть Сувиль и Узольд внимают моим словам, — так начинает после кратковременного размышления скороход. — Горцы не торопились: их следы широки и глубоко уходят в почву. Да и края следов еще остры; не прошло и дня, как они вытоптаны, так что вода не успела еще их размыть.

— А все-таки уже некоторое время прошло, — вставляет Сувиль, — так как складки на подошве стерлись, и сам след подернулся тонким слоем ила.

— Дикари проходили здесь, вероятно, нынче рано утром; на берегу они дожидались других, оставшихся для преследования Сувиля по ту сторону реки; но, так как те на рассвете еще не явились, они отправились дальше.

— А Сейво? — сумрачно спрашивает отец.

— Сейво жив. Он будет жив и завтра. Дикари-карлики будут обсуждать его смерть уже после того, как созовут своих соседей, а до тех пор...

— Мы его найдем, разрежем связывающие его путы и приведем в свайный поселок, — быстро вставляет Узольд.

— Узольд забывает, — возражает наставительно Кейэр, что мы кроме того и разведчики и, вернувшись, должны дать нашим братьям точные сведения о горцах: сколько их, вооружаются ли они, плясали ли они медвежью пляску и вы-

красили ли себе краской лицо; сражаются ли с ними их соседи, — все должны мы узнать.

Торговцу кажется слишком длинным это наставление молодого охотника.

— Пусть Кейэр, — говорит он, — идет вперед. Пусть будет он нашим вождем. Мы пойдем вдоль ручья и постараемся поскорее добраться до пещерных жилищ.

Но Кейэр недовольно качает головой.

— У Сувиля седые волосы, — говорит он, — и как великий воин владеет он длинным ножом, но он нетерпелив, словно молодая девушка. Он не привык ходить по этим лесам, — прибавляет несколько мягче скороход, заметив, что на лбу Сувиля появляется мрачная складка. — Разве Сувиль забыл, что его преследовала нынче рано утром толпа дикарей? Их было, быть может, десять и два. Они нашли буйвола, разрезали его на части и куски мяса утащили с собой в пещеры. Они отправились в путь до полдня; им нужно было переплыть реку, но они спешат, чтобы принести карликам весть о том, что наш свайный поселок принял к себе беглеца. Пусть Сувиль сам скажет мне: где теперь эти десять и два?

Сувилю приходится согласиться с охотником.

— Кейэр прав, — отвечает он, — эти десять и два или прибыли незадолго до нас, или следуют за нами по пятам. Они знают лес и могут идти по нему и ночью. Следы на глине у ручья сделаны не в разное время: все десять и два идут вслед за нами.

— Так думает Кейэр. Но мы не знаем, не выбрали ли они себе другой дороги. В лесу становится темно, и мы легко можем попасть в западню. Мы взберемся как можно выше по склону горы. С вершины нам будет виднее местность. Затем мы отдохнем в чаще, пока не взойдет луна и не будет светло.

Каждый из них пьет из ручья по глотку свежей воды; затем все трое поднимаются на гору, медленно пролагая себе дорогу через девственный лес.

Кустики дрока, гирлянды ежевики и других вьющихся растений образуют почти непроходимые поросли; наверху же, тесно примыкая друг к другу, возвышаются вершины

дубов, буков и лип. Слабый свет угасающего дня превращается в серый сумрак.

Едва распутившиеся громадные папоротники таинственно колеблются. Плющ и другие выющиеся растения спускаются с сучьев и цепляются за грудь путников.

Нет нигде просвета. Бесконечно шумит высокий первобытный лес, вершины которого отражают тысячеголосое эхо пробуждающейся ночи. Вблизи раздается последнее воркование диких голубей и первый крик сов. Высоко над долинами беззвучно парит могучий филин, издавая звучный, протяжный крик. Рычание самца козули сливается с отдаленным лаем голодных лисиц и волков, блуждающих повыше в горных чащах. Чем выше поднимаются разведчики, тем реже становится лес. Теперь, когда над землей сгустилась крошечная тьма, они пробираются, задыхаясь и потя, сквозь кустарник.

Кейэр ведет их к круглой базальтовой вершине, слабо поросшей растительностью. Он часто посещал ее и знает, что оттуда видны окрестности далеко кругом. Он спешит вперед через кусты терновника и первым взбирается на вершину. Едва сдерживая крик удивления, он смотрит на западный край горизонта.

Отчетливо отделяется небо от поросших лесом гор. Почти на каждой из многочисленных вершин, лежащих там, где закатилось солнце, виднеется светящееся пятно. Вероятно, на каждой вершине пылает огонь.

Сувиль спрашивает Кейэра об этом. Тот отвечает:

— Пламенем дикари-горцы дают друг другу знаки. Очевидно, всполошилась вся страна. Они призывают друг друга на войну. Нам надо теперь спешить: мы должны достигнуть пещеры раньше, чем соберутся все орды. Если Сейво окружат многие люди, которые жаждут разрезать на куски его тело, мы не сможем его освободить. Спешить должны мы также и потому, чтобы поскорее принести весть о них в свайный поселок.

Сувиль встречает этот ответ мрачным молчанием.

Над тремя воинами простерла свои крылья ясная, звездная ночь. Огни на вершинах служат для них путеводною

звездой. Без отдыха идут они через кустарник и поляны.

По пути встречаются им глубокие пещеры. С глухим треском пробегает мимо них стадо буйволов. словно огромные черные тени, появляются откуда-то с фырканием эти животные и вновь исчезают во мраке кустов.

Кейэр напал на дорогу.

— У подножья той вершины, — шепчет он, — на которой костер почти уже погас, лежит к северу долина, в пещерах которой живут дикари-карлики.

Все трое продолжают свой путь по сильно изрытой поляне.

Хотя звезды все еще светят, из-за вершин горных гребней на востоке поднимается луна; с юго-запада подул жгучий ветер, несущий оттуда огромную тяжелую черную тучу.

Трое разведчиков подходят к краю зияющей пропасти.

Движимый единой мыслью — поскорей добраться к сыну — Сувиль собирается соскользнуть по откосу в обрыв, но его удерживает Кейэр, схватив с силою за руку.

— Сувиль лежал бы десятью шагами ниже с разбитой головой, а та скала спускается отвесно в долину.

Словно дитя, подчиняется Сувиль опытному охотнику.

Тот слушает, пригнувшись к земле.

— Я слышу шаги мужчин, тяжелые шаги шуршат по ковру из буковых листьев. Я не знаю животного, которое бы шагало так.

Все яснее слышатся медленные шаги, то несколько дальше, то ближе, следуя изгибам узкого, извилистого оврага.

На востоке становится светлее. Луна поднимается над гребнем гор и освещает плоскогорье, тогда как в долинах еще темно. Разведчики осторожно прячутся в кусты.

Теперь становится светлее и вниз. Виднеются пять человек, идущих по широкому песчаному дну ручья с тяжелой ношей на плечах — с кровавым мясом разрезанного на части животного.

— Они несут в пещеры куски буйвола, — шепчет Узольд.

Убедившись, что за этими пятерыми никто больше не следует, Кейэр крадется по краю оврага, словно змея, вплоть

до более отлогого, поросшего кустами места, где возможен спуск.

Все трое ожидают в засаде врагов.

Кейэр беззвучно прицеливается. Стрела жужжит, и дикарь, шедший впереди, падает, издавая гортанный звук. Стрелок имеет возможность пустить и вторую стрелу, так как ноша застигает следующим путникам свет. В то время, как они подбегают к падающему, второго из них также поражает острая меткая стрела. Несколькими большими прыжками разведчики бросаются на уцелевших врасплох и убивают еще двоих. Только один успевает отскочить с пронзительным криком и защищается от нападающих на него разведчиков, но и его сражает боевой топор Узольда, с глухим звуком вонзившийся в лоб.

Трупы и куски мяса спрятаны в чаще и закрыты; следы боя по возможности уничтожены.

— Все лучшие куски мяса буйвола были у этих пятерых; остальные дикари, вероятно, остались для наблюдения за нашим поселком, — заявляет Кейэр после некоторого размышления, — мы можем продолжать свой путь по ложу ручья.

Путники идут дальше среди глубокой ночи, при слабом свете месяца, окутанного легкой дымкой тумана.

Долина постепенно поднимается, расширяется и переходит в болото, так что Кейэр в конце концов вновь взбирается на откос.

Вдруг разведчики заметили, что облако на юго-западном краю неба охватило уже половину всего небосклона и то и дело освещается зарницей.

Ветер становится теплым и сырым. Огни на вершинах все до одного погасли; зато у подножья одной конусообразной горы, там, где Кейэр ищет жилищ дикарей-горцев, видят разведчики пламя, бросающее красноватый свет на края долины.

— Вот ущелье, где живут дикари; еще много-много шагов, быть может, и цель достигнута.

Густо разросся дрок; там и сям поднимаются одинокие дубы и кудрявый кустарник; тихо шелестит от ветра длин-

ная, тощая трава. Все чаще вспыхивает молния в грозовой туче. Слышится уже протяжный глухой рокот отдаленного грома.

В то же время доносится из ущелья, которое своими голыми стенами глубоко врезалось в слои туфа, многоголосьный крик и шум поселка. Разведчики ползут вперед на коленях. Они скрываются, где только могут, и радуются каждому шуму, долетающему снизу, пользуясь им, чтобы подвигнуться на несколько шагов вперед.

Сувиль, держа в зубах блестящий меч, старается утомить свое сердце, которое бьется под ребрами, словно молот.

Кейэр вытягивается во всю длину: перед ним открывается пропасть. Кивком подзывает он к себе своих спутников, и все трое лежат так, высматривая, что делается в долине, в то время как в горах раздаются мощные раскаты грома. Сувилю приходится много раз закрывать глаза прежде, чем они привыкают к мерцанию.

Как раз напротив их находятся в стене из туфа десять или двенадцать входов в человеческую величину. Словно у входа в улей, снуют там взад и вперед дюжие мужчины с перьями ворон и других хищных птиц в прямых черных волосах; меховые одежды их развеваются. Женщины с гладкими рыбьими головами бегают вокруг огней, принося хвост или жаря на вертеле мясо над огнем. Но вот несколько в стороне видит Сувиль своего сына, привязанного к столбу. Голова Сейво упала на грудь. Руки его и ноги окровавлены. Несколько почти голых мальчиков стоят перед ним и собираются бросать палками в неподвижного юношу. Сувиль делает быстрое движение, чтобы вскочить, но Кейэр удерживает его.

— Прыжок Сувиля в ущелье был бы бесполезен. Вместо одного воина у столба стояли бы двое. Мы должны ждать. Быть может, дикари скоро начнут медвежью пляску, опьянив себя соком белены.

Сувиль вновь ложится на прежнее место.

Более чем сотню горцев насчитывает Кейэр. Они собрались вместе и раскрашивают друг другу лица красно-желтой краской. Другие же уселись; они отрывают от костей

почти что сырое мясо и сами кости разбивают топорами, чтобы добраться до мозга, который они жадно высасывают из отверстия костей. Дикари подгоняют женщин ударами кулаков, чтобы те работали усерднее. Раздуваемые ветром огни бросают мерцающий свет на плоские, костистые члены, круглые, низкие лбы, на жующие челюсти и жидкие бороды. Из среднего выхода появляется закутанная фигура. Она вся скрыта под медвежьей шкурой и, переваливаясь с ноги на ногу, качает головой.

Женщины тотчас же собираются в кучу, садятся на корточки, ударяют в такт ладонями и что-то бормочут, то громче, то тише прищелкивая языком.

Дети стоят тут же с выражением тупого удивления на лицах.

В то же время мужчины становятся в ряд, один за другим. С короткими криками прыгают они вокруг медведя и потрясают топорами, словно собираясь нанести ему удар. Лица их кажутся ярко-красными при блеске огня. Медведь вдруг бросается на одного, стоящего в ряду и отличающегося от других длинными крыльями сарыча, схватывает его и делает вид, что борется с ним.

С громким криком бросаются все собравшиеся на медведя, сваливают его на землю; сотня топоров поднимается над ним, словно желая его убить. Но когда он перестает двигаться, пляска опять возобновляется, и женщины вновь начинают хлопать в ладони.

Сувиль ни одним глазом не смотрит на это зрелище. Он видит, как Сейво, приподняв немного голову, взглянул на пляску и вновь потупил свой взор.

Из грозовой тучи быстро сверкнула ослепительная молния; она как будто ударила в лежащую напротив горную вершину. За ней последовал оглушительный громовой удар. Второй удар зарокотал почти одновременно с блеском молнии. Женщины и дети уже скрылись в пещерах. Со свистом падают первые тяжелые дождевые капли на костер. Становясь все чаще, они сливаются в один непрерывный шумящий поток. Дождь хлещет в стены ущелья. Удар следует за

ударом. Кусты и деревья нагибаются к земле.

Молния освещает пустое пространство перед пещерами. Спрятались, очевидно, и мужчины. Разведчики отправляются на поиски вдоль маленького ручья. Скользя и падая, пробираются они к подошве ущелья.

Перейти площадку было бы слишком смело с их стороны, так как, подвигаясь дальше, они увидели, что у входа в пещеры лежат дикари, пережидая грозу.

Дымящиеся огни давно уже погасли. Ползя на животе, разведчики приближаются к столбу.

Кто-то закутанный сидит возле привязанного пленника. При свете молнии можно в нем узнать плясавшего медвежью пляску. Он воспользовался своей непроницаемой медвежьей шкурой, чтобы сторожить пленника. Две руки, холодные, как лед, внезапно сдавливают ему горло. Он повален на землю, и его предсмертное хрипение заглушается шумом дождя.

Глава седьмая

Обманув сторожа и пробравшись с собакой в тростник и в чашу ивняка, Вутт притянул тотчас же покороче ремень, на котором была привязана собака, обернулся и глянул сквозь ветви на свайный поселок.

Одно мгновение кажется, будто Вальдун зорко смотрит именно в ту сторону, где спрятался Вутт. Он смотрит еще пристальнее после того, как Уддо, собака Узольда, которая так и рвется к своему господину, громко залаяла. Вутт гладит, уговаривает и, наконец, успокаивает благородное животное. Вальдун отворачивается и возобновляет свой обход.

Мирно покоится на воде деревня, освещенная ясными, ласкающими лучами послеполуденного солнца. Над хижинами поднимается дым. Несколько детей играют вокруг многочисленных лодок, гоняются за полудикими утками, которые плавают под хижинами и выуживают отбросы.

Каждая свая отражается на едва колеблющейся поверх-

ности реки, на которой можно видеть полное изображение покрытых глиной хижин с заостренными крышами; на реке ярко отражаетсядвигающийся Вальдун, мостки и все остальное.

Меж тем, Вутту с трудом удается обуздать беспокойство собаки. Нюхая болотистую почву, Уддо чует следы своего господина. Своими верными карими глазами смотрит он на идущего с ним низкорослого, желтолицего человека, виляет хвостом и старается вырваться.

Вутт говорит сам с собой:

— Вутт не может знать, в каком месте причалил торговец, идущий на разведки с Кейэром и Узольдом. У Вутта нет волчьего носа, или носа дикой кошки. Но Вутт зато умен. Уддо найдет своего господина. Нос Уддо — все равно, что волчий нос; Уддо выведет Вутта на настоящую дорогу.

Знакомый со всеми тропинками этой чащи, он взбирается вверх по горе, не дожидаясь прогалины. Он ловко заставляет сильную собаку пробираться вперед через густую поросль, а сам налег на животное всей своей тяжестью, не обращая внимания на то, что ошейник туго сдавливает собаке горло и что она почти задыхается.

Дорогою вынимает он из кожаного мешка несколько пшеничных лепешек, взятых им с собой из какой-то хижины, и начинает их медленно и основательно разжевывать и уничтожать. Он предается в то же время приятным мечтам, которые высказывает вполголоса, разговаривая сам с собой.

— Вутт будет преследовать троих разведчиков. Он при манит по их следам горцев. Сам он при этом будет сидеть в засаде и смотреть, как будут убивать Кейэра, который не раз уже бил Вутта кулаком. Он посмотрит, как будут убивать Узольда, сына вождя, которого Вутт ненавидит, и Сувиля, который знает, где зарыт клад. После этого Вутт пойдет на остров и построит себе дом на сваях. Он призовет горцев, и они будут ему помогать. Он сделается их вождем и раздаст им оружие. Потом он поведет их на деревню Дондура, и никто не должен остаться в живых и бежать со свай. Вутт сожжет деревню дотла, а потом сделается господином над всей рекой, на полдень и на полночь. Всю рыбу и всю

лесную дичь будут приносить ему. Никогда больше не будет Вутт ни грести, ни плавать. Другие будут грести за него, а Вутт будет сидеть в самой лучшей лодке, и по мановению его руки много весел будут ударять по воде. Он будет лежать на шкурах; в горностаевый мех будет он одеваться. На огне у него будут стоять с вкусными яствами красные котлы из тех, что спрятаны на острове. А мед будет он пить все ночи напролет, до самого солнечного восхода. Кто возвеличит горцев и сделает их властелинами реки, уничтожив ненавистных светловолосых воинов? Вутт, который был работником в поселке Дондура!

Но мечты не замедляют его шагов, так как собака бежит неугомонно. Они взобрались уже на гребень гор, и мрак начал несколько рассеиваться.

Наступают сумерки. Вутт поворачивает под прямым углом, надеясь таким образом пересечь все ходы в горы и отыскать настоящий след.

Вот близко первая долина. Она не глубока, но болотиста: здесь живут дикие кабаны. Вутт боязливо бежит за собакой. Он вздрагивает, когда из воды поднимается цапля; он боится, что вот-вот вонзятся в его бедро кривые клыки кабана. Он вздохнул свободно лишь тогда, когда поднялся на другую сторону обрыва. Ветви ударяют ему в лицо, и, пробегая с собакой быстро через чащу, он часто закрывает глаза и послушно следует за Уддо.

Наконец приближается вторая долина. Собака не обнаружила до сих пор ни одним движением, что она напала на след. Ровным шагом бежит она вперед, опустив морду и беспрестанно виляя хвостом. Теперь оба спускаются к ручью, протекающему по большому ущелью. Уддо усиленно нюхает почву и все сильнее тащит за собой Вутта. Собака бросается вдруг неистово в ручей, перепрыгивает на другой берег его и, задыхаясь, поворачивает к реке.

Вутт нагибается. На глинистом дне ручья видит он многочисленные следы, как старые, так и свежие. Он должен низехонько нагнуться, чтобы хоть что-нибудь различить при бледном сумеречном свете. Потом он тащит за собою Уддо вверх по течению ручья.

Вутт спешит, быстро шагая вперед: он нашел след. Но и собака больше не противится: она чует на сухом гравии следы своего господина. Крупными прыжками бежит умное животное по вспенившейся воде, тихо скуля от волнения. Вдруг оно делает прыжок на берег и останавливается, словно вкопанное.

Вутт может различить, несмотря на темноту, что тут сквозь ежевику и кустарник пробирались люди. Здесь растоптан лист папоротника, там сломан сучок орешника, и ему кажется, кроме того, что на щебне у обрыва он видит три пары различных следов. Но более всего полагается он на Уддо. Он похлопал беспокойное животное, вдвое обвил ремнем руку, и собака потащила его наверх.

Благодаря тому, что дорога была здесь уже проторена, они быстро очутились на плоскогорье. Собака опять ведет его, и он следует за нею, словно слепой за своим вожакom. Он видит огни на горных вершинах. Темные глаза его вспыхивают злорадно: он очень хорошо знает значение этих огней. Он знает, что самое позднее через неделю все орды горцев двинутся в поход на долину. Он сознает, что надежды его близки к осуществлению.

Левой рукой защищает он голову от веток; по его учащенному дыханию заметно, что он устал. Но алчность гонит его все дальше.

В то время, как Вутт предается своим мечтам, им внезапно овладевает мысль, что за каждым деревом, за каждым откосом могут следить разведчики. Дрожь пробегает по его спине: он вспоминает стрелы Кейэра, никогда не пролетающие мимо цели, бурную жажду боя Узольда и длинный коричневый нож Сувиля. Он пытается удержать собаку, но та увлекает его за собой вперед.

— Уддо выдаст близость разведчиков: он залает, а Вутт тогда его заколет. Но разведчики, вероятно, спешат и далеко ушли вперед Вутта.

Луна стоит уже довольно высоко, освещая открывающееся ущелье. Белеют полосы гравия, тянущиеся вдоль ручья.

На юго-западе вспыхивает молния, но Вутт этого не замечает: собака тащит его с горы так быстро, что он почти па-

дает в обрыв. Обеими руками цепляется он за кустики дрока, но при этом выскользнул из его руки ремень.

С коротким звонким лаем мчится Уддо по белеющему гравию полян в самую чащу порослей. Вутт бежит за ним: он не хочет в последний момент лишиться проводника. Он надеется, что веревка запутается в ветвях и собака таким образом будет задержана до тех пор, пока он не поймает ее вновь.

В чаще внезапно раздается глухое рычание. Уддо воет вполголоса от волнения. Слышен звук падения какого-то большого тела на землю.

Вутт останавливается: страх сковывает его члены. Но прежде, чем он, выбравшись из кустов на равнину, успел разобраться в том, что происходит, перед ним поднялась тяжелая темно-бурая масса, в которую Уддо впился с пронзительным ворчанием.

Чуя запах свежего мяса, пришел сюда бурый медведь. Открыв в кустах трупы и куски мяса, он только что принял ся ужинать буйволом, как ему помешала собака.

Теперь поднимается он против Вутта, которого он считает также врагом. Он встал на задние лапы перед Вуттом, который растерялся от неожиданности и неуверенно схватился за топор. Удар медвежьей лапы поражает его в лоб; он падает и в смертельном ужасе закрывает глаза. Он уже чувствует на своем лице горячее дыхание рычащего медведя, но новое нападение собаки освобождает его от давившей тяжести. Уддо очутился одним прыжком на спине врага и впился ему в верхнюю губу, так что нос медведя попал между страшными клыками собаки.

С громким рычанием вскакивает зверь. Он бежит, опустив голову и из всех сил стараясь на ходу сбросить собаку, которая, наконец, отпускает его, получив сзади удар лапой. Но медведь уже насытился боем и убегает в лес, облизывая свой окровавленный и разорванный нос.

Уддо с визгом подходит к Вутту и обнюхивает ему лицо своей косматой мордой.

Открыв глаза, Вутт удостоверился, что медведя уже нет. Он поднимается и, ухмыляясь, схватывается за ремень, кото-

рый все еще тащится за собакой. Почувствовав себя опять на привязи, Уддо вновь нападает на след и ведет Вутта к жилищам дикарей. Вот уже показывается освещенное костром ущелье, где скрываются пещеры.

Но в то же время и ветер зашумел сильнее в кустах можжевельника; за молнией следуют удары грома и на юго-западе нависла зловещая туча.

От бури нагибаются верхи дубов, рассеянных поодиночке по широкому плоскогорью. Вдруг Уддо громко залаял, заметив свежие следы: он чует близость своего господина.

Вутт бросает неприязненный взгляд на собаку, спасшую ему жизнь. Он схватывается за топор, но страх не позволяет ему нанести удар.

Собака лает вновь, и каждый шаг вперед представляется опасным, хотя бы Вутт и мог сказать себе, что звук лая не долетит до ущелья вследствие только что разразившейся сильной бури.

Он обдумывает, что ему делать. Если отпустить собаку, то разведчики будут, пожалуй, предупреждены: они могут тайком бежать, и тогда все пропало. Самое лучшее было бы убить собаку, но он боится; яркая молния освещает оцетинившуюся шерсть огромного ворчащего животного.

Но вот он что-то придумал: он усаживается на нижнем суке высокого развесистого дуба, не выпуская, однако, из рук ремня.

Собака рвется, словно чуя что-то недоброе. Вутт может ее удерживать, лишь нагнувшись вниз. Быстрым движением дергает он веревку вверх и привязывает ее узлом к сучку. Он вне себя от злобы, что веревка так коротка; будь она немного подлиннее, Уддо повис бы в воздухе и быстро задохнулся. Теперь же собака стоит на задних лапах, издавая жалобные звуки, тогда как Вутт соскользнул с другого сука на землю. Вутт полагает, что собака скоро будет не в силах выдерживать это положение, и что она, утомившись, сама удавится.

Вслед за удаляющимся Вуттом раздается тяжелое беззвучное дыхание собаки. Он ползет на четвереньках, не об-

ращая особого внимания на след разведчиков, пока ему не приходится остановиться на краю оврага.

Горящими глазами смотрит он в глубину. Он видит Сейво, привязанного к столбу, женщин, хлопающих в ладоши, медвежью пляску и огни. Выражение лица его становится коварным при виде одного из людей, знающих тайну спрятанного оружия. Вутту хотелось бы иметь стрелу, чтобы заставить замолчать этот предательский язык.

Напрасно оглядывается он по сторонам в надежде увидеть разведчиков. Он уже опасается, что какая-либо случайность заставила их вернуться, но он надеется, что отец не покинет своего сына, беззащитного и привязанного к столбу.

Движимый желанием приблизиться к своей жертве, Вутт ползет по краю обрыва до тех пор, пока не достигает места как раз против входов в пещеры. Он так близко от Сейво, что может попасть в пленника камнем.

Но из грозовой тучи вдруг блеснула молния, ударил гром. Шумными потоками хлынул дождь, погасивший костры. При первом ударе грома Вутт приник к земле, как будто кто-нибудь занес над ним топор. Он застыл от ужаса, но, убедившись в том, что гром не уничтожил его, пытался при каждой вспышке молнии разглядеть, что делается внизу.

Он видит, как горцы укрылись от дождя в пещеры. Он вскакивает внезапно и ощупью спускается с обрыва; вынимает свой топор, чтобы убить в темноте безоружного связанного Сейво.

Желание убить того, кому известна его тайна, сильнее в душе Вутта, чем страх перед разведчиками. Он надеется также на то, что мрак скроет его от меча Сувиля и от стрел Кейэра. Добравшись до ущелья, он в ужасе останавливается: при свете молнии он различает возле юного пленника какую-то фигуру. Но, взглядевшись пристальнее, он замечает возле закутанного в шкуру сторожа трех ползущих по земле людей. Дикарям их еще не видно, так как они скрываются за плоской кучей дров. Быстрыми движениями пробирается он по мокрому лугу в кусты, расположенные на другой стороне, поднимается и с замиранием сердца ожидает, когда опять сверкнет молния.

Лишь слабое мерцание показывается из-за туч и из-за шумящей дождевой завесы; но и этого уже достаточно: Вутт видит, что около столба никого нет, а сторож лежит врас-тяжку на земле.

Он вне себя от злобы, он скрежещет зубами. Затем он прикладывает руку ко рту в виде воронки, и, обращаясь сам в бегство, издает пронзительные непонятные звуки, подобные рычанию, так громко, что они заглушают даже отголоски грома в долине и шум дождя.

Толпа горцев устремляется из пещеры к столбу, Вутт же скачет вдоль обрыва, словно затравленный зверь. Исчезнув в нагорном лесу среди мокрых кустов дрока, слышит он отвратительные крики пещерных жителей: их пленник бежал, а человека, танцевавшего медвежью пляску, они нашли задущенным около столба.

Дождь становится все тише и вскоре прекращается совсем. Со всех сторон ущелья раздаются крики дикарей, призывающих друг друга; слышно шлепанье многочисленных ног и треск сломанных сучьев.

Но Вутт ничего больше не видит и не слышит. Словно преследуемый роем шершней, мчится он, спотыкаясь, по плоскогорью к далекой реке. Его мучает неуверенность в том, удастся ли разведчикам и пленнику ускользнуть от преследователей. В нем закипает горячая ненависть; он дрожит от ярости, что ему не удалось убить Сейво. Он не чувствует, как холодный утренний ветер сушит его мокрую одежду; он не смотрит на ясный месяц, который поднимается над рассеивающейся грозовой тучей. Полузакрыв глаза, предается он своей ненависти.

Глава восьмая

ПРИГОТОВЛЕНИЯ В СВАЙНОМ ПОСЕЛКЕ

Дондур приказал еще во время пирушки, чтобы все хлеба на сваях были приведены в порядок.

Теперь, среди наступающей ночи, при свете горящих соновых факелов, плосконосые рабыни, захваченные в плен во время прежних походов на дикарей, работают вместе с женщинами поселка над тем, чтобы очистить хижины, которые побольше. Выбирают по возможности постройки ближе к середине. Прежние обитатели их перемещаются в другие помещения, простая утварь переносится. В стену вбиваются деревянные колышки, к которым будут привязаны животные.

Затем подходит к поселку стадо, которое гонят женщины и старый «Буйвол». Коровы мычат, покидая свое привычное пастбище. Козы, овцы и свиньи пробегают мимо. Некоторых животных приходится подгонять ударами палки и громким криком, пока они, наконец, не решаются пробраться через узкий проход в хижины. Козы и овцы идут терпеливее, свиньи же причиняют большую сумятицу своим беспрестанным беганьем взад и вперед. Одно из покрытых щетиной животных чуть было не ворвалось в общество пирующих; в дверном отверстии уже показалась его длинная морда, но старый Граун бросает в него куском дерева, и испуганный четвероногий гость с визгом обращается в бегство.

Несмотря на темноту, некоторые женщины рвут на острове траву, складывают ее в кучи и переносят в запасной сарай на сваях. Другие собирают тонкие прутья ивы и ка-

мыш для подстилки животным. Всю ночь работает деревня над тем, чтобы поместить скот в безопасном месте. Взад и вперед проносятся факелы. Выселенные обитатели с шумом устраиваются в своих новых жилищах, устанавливая свое добро.

В то же время увеличивается и бдительность мужчин.

Только ремесленники да кое-кто из стариков продолжают пировать в доме собраний; более же молодые люди заняты под наблюдением Дондура разными делами.

Часть их перешла по мосткам на берег и ищет по откосам диких. Другие перебрались на остров, чтобы охранять оружием работу женщин: находка «Буйвола» не забыта.

Две лодки с охотниками отправились на другой берег. Пользуясь лунным светом, охотники надеются убить сколько-нибудь дичи, чтобы снабдить деревню мясом на случай осады.

Дондур обходит вместе с Вальдуном вокруг поселка. Они совещаются о том, сколько времени уйдет на разрушение широкого моста, ведущего на остров, и мостков, ведущих на берег. Но они приходят к тому, что этого нельзя сделать до прихода разведчиков. Еще до этого Дондур распределил стражу. Пока одна половина способных носить оружие будет спать, другая будет занята приготовлениями к бою, чтобы потом, в свою очередь, отдохнуть.

Соединенными усилиями вытаскиваются из воды старые, уже поврежденные лодки-однодревки. Их расставляют в полуопрокинутом виде в качестве бруствера; в промежутках между ними кладут связки дров и бревна, которые женщины приносят с моста, ведущего на остров. Мост этот уже начали разрушать.

Дондур обращается к Вальдуну:

— Посол, которого мы отправили к нашим родственникам, живущим у Драконовой скалы, находится теперь, вероятно, за стремнинами реки. К восходу солнца он может быть у Драконовой скалы и предупредить Эзо и его воинов. Может быть, они пришлют нам на помощь несколько лодок с воинами.

Вальдун слушает лишь одним ухом: он зорко смотрит

на темную поверхность воды.

Дондур смотрит вслед за ним и испускает громкий крик: по волнам быстро плывет человек.

Они хотят уже приготовить оружие, но из воды им отвечает тот же крик. Еще несколько мгновений, и перед вождем стоит мальчик, перевозивший разведчиков. Он молчит, учащенно дыша. Положив руку на его мокрое плечо, Дондур с улыбкой говорит ему:

— Я уже опасался, что сын мой не вернется. Топор его мал и руки его еще слабы, а леса полны опасностей.

— Разведчики высадились на берег, — отвечает мальчик, — я пошел по берегу. Вскоре увидел я людей, которые переплывали реку, держась за древесный ствол; к коре дерева были прикреплены куски мяса. Я влез на вяз и спрятался в ветвях. Пятеро дикарей взвалили себе на плечи куски мяса буйвола и ушли в лес. Шестеро остальных шли быстро вдоль берега, вниз по течению. Лица их были выкрашены красной краской. Они сидят, вероятно, где-нибудь в засаде, вблизи деревни.

Дондур вынимает из-за пояса каменный нож и дает мальчику, хваля его за храбрость.

Какая-то женщина увлекает его за собой, заключив его в свои материнские объятия. Это ее сын заслужил сегодня первые почести воина, — сын стрелка Кейэра, который ушел в горы на разведки и которого оба они ожидают до тех пор, пока усталость не смыкает им глаза.

Пока Дондур и Вальдун спят, работают другие.

Когда после полуночи прошла вниз по течению грозовая туча, то при свете молнии можно было различить, что бруствер, обращенный к левому берегу, почти совсем закончен.

Толпа, рыскавшая в горах, уже вернулась. Мужчины располагаются тотчас же за мостками, в хижине у огня, и рассказывают внимательно слушающим женщинам, что им не удалось видеть врага.

Один из них приносит с собой двух диких гусей, которых сразила его стрела в тростнике. Другой уложил молодого кабана; при мерцающем свете костра кажется, будто

движется серовато-черная щетина убитого животного. Третий искал по берегу реки утиных гнезд и принес с собой в корзину из ивовых прутьев много яиц.

Мужчины рассказывают громким голосом о своих приключениях на охоте, но словно какая-то тяжесть лежит на всех: они чувствуют, что на свайный поселок надвигается ураган более ужасный, чем та грозовая туча, которая прошла вниз по течению и была рассеяна ветром.

Никто не решается рассказывать о делах минувших дней. Все думают лишь об одном: мужчины со злобой, а женщины с невыразимым страхом представляют себе ужасные мучения, которые ожидают тех, кто живым попадет в руки дикарей. Их ожидает мучительная медленная смерть, уколы заостренными деревяшками и сожжение. С поникшей головою думают бодрствующие и о том, что огонь, быть может, уничтожит все то, над чем они работали целыми десятилетиями: все хижины, всю утварь и очаги. Думают они и о детях своих, об их ужасной судьбе в плену у диких горцев. Встает утренняя заря. Восток заалел, и на красноватом небе ярко обрисовываются гребни гор.

Заревели коровы, замычали телята; в прибрежном тростнике кричат на разные лады болотные птицы. Дондур уже на ногах. Он проходит вдоль хижин с Грауном, старым певцом, который почти не спал. По его приказанию в одном скрытом месте на острове выстраивается хижина, — никто не знает, для чего, пока вождь не приказывает туда отправить пленных рабынь. Они еще не забыли языка диких карликов; они с ними одной крови. Можно ожидать, что при нападении на свайный поселок они подожгут хижины в тылу сражающихся. Двенадцать рабынь с плачем переходят через мост. В плену им не привелось испытать ничего дурного; в то же время, они опасаются свирепости своих прежних соплеменников.

Седая Ма ласково уговаривает и обнадеживает их. В изобилии приносит она пищу изгнанникам.

Все лодки тем временем тщательно втаскиваются в полутемное пространство под постройками и к ним приставлена стража из четырех человек. Крепкими ремнями при-

вязываются челноки к сваям.

Неутомимо работают женщины над разрушением моста, ведущего на остров, и, когда остаются лишь деревянные подмости, то начинают помогать им и ремесленники тяжелыми ударами топора. Они заботятся о том, чтобы ни кусочка дерева не пропало даром; каждый кусок идет на постройку бруствера.

Когда рухнула последняя перекладина и мост уничтожен приблизительно на целых пятьдесят шагов, с острова доносятся громкие крики рабынь, с воплями бегающих взад и вперед по пастбищу.

Мальчики старшего возраста собирают на левом берегу круглые, гладкие кремни и в сетях приносят их в деревню: там их складывают за бруствером кучами.

Женщины приносят полевые камни большого размера и плитки графита, в то время как охотники засели в прибрежном кустарнике.

Дондур обходит с Грауном хижины. К ним присоединился и Вальдун. Они смотрят за тем, хорошо ли размещен скот, чтобы в случае боевого шума он не мог вырваться и причинить в поселке опасное замешательство. Они обозревают склады запасов: сколько у них мяса и дичи, хлебного зерна и сушеных яблок; сколько корзин с чечевицей, бобами и орехами и мешков со свежими и сушеными травами.

Вождь и спутники его внимательно осматривают здесь все, но особой радостью наполняется их душа при виде склада оружия.

Тут и топоры в оправе из оленьего рога, ножи с длинными лезвиями, кинжалы и бесчисленные наконечники для стрел; рядом с ними — луки из крепкого, как камень, ясеневое дерево с тетивами из крученых оленьих кишок. Граун протягивает свою морщинистую правую руку за гладкими камнями для метания. Он выбирает себе самый большой камень.

Отсюда идут все трое к находящейся от них в нескольких шагах деревянной лестнице, ведущей к лодкам. Около лодок сидит молодой охотник; он как будто недоволен безопасностью своего сторожевого поста.

Вот большой четырехугольный деревянный садок, где жители поселка держат живых рыб. Усердная работа рыбаков за последние дни наполнила садок, словно невод, разнообразными рыбами.

С острова раздается многоголосый громкий крик.

Вождь поспешно спускается еще на несколько ступеней, чтоб получше рассмотреть; в это время возвращаются с противоположного берега охотники. В лодке лежат несколько диких коз, над которыми высятся развесистые рога оленя. Молодежь встречает охотников восторженными криками. Мальчики пытаются соединенными силами вытащить оленя из лодки-однодревки. Солнце поднялось над горами и осветило долину, и едва упали на воду его первые лучи, задымилась она и поднялся густой туман. Оба берега понемногу окутываются плотной серой дымкой, чуть видны горы за несущимися клубами тумана. Опасаясь неожиданного нападения, Дондур велит позвать с берега всех женщин и мужчин. Когда все оказываются в сборе, быстрые удары топора разрушают узкие мостки, ведущие на берег. Несколько свай продолжают еще торчать, но неприятеля нельзя подпустить и на десять шагов ближе к поселку. Чем выше поднимается солнце, тем гуще становится пелена тумана, и вскоре само оно погружается в серую массу.

Мрачно смотрит Дондур. Граун готовит камни для метания.

За бруствером стоят мужчины, держа наготове топор в руках. Кое-кто из них доедает еще пшеничную лепешку, поданную женой; кое-кто наскоро проглатывает горячую похлебку.

Туман сгустился до такой степени, что со свайной решетки едва можно различить воду.

Внезапно из-за челноков под решеткой показывается Вутт. Он делает вид, что купался там, и подплывает к молодому сторожу. Тот нисколько не удивлен, так как все привыкли к беспорядочной жизни Вутта.

Не стоит даже дать ему пинка ногой. Вутт скользит мимо беспечно растянувшегося сторожа. Тот кричит ему вслед:

— Вутт крикает от холода, словно утка.

— Коли вождь разрушил мостки и Вутту приходится пробираться по воде, то как же ему не крикать? — отвечает тот и скрывается.

— Вутт пролежал всю ночь в логовище козули, холодный туман согнал его, — бормочет про себя молодой охотник.

Вутт прокрадывается вдоль хижин. Добравшись до одной из них, он озирается: не наблюдает ли за ним кто-либо, и затем вприпрыжку вбегает туда.

Вождь шествует посреди вооруженных воинов. Увидев, что даже горшечник, весь вымазавшийся в глине, вооружился топором, он хвалит его, отступая, однако, с улыбкой на несколько шагов назад, когда горшечник начал проделывать своим оружием опасные зигзагообразные взмахи в воздухе.

Но глаза Дондура вновь принимают озабоченное выражение. При таком тумане неприятель может подплыть на расстояние пяти шагов, не будучи замеченным. С минуты на минуту могут раздаться ужасные боевые клики.

Но нечто другое беспокоит его еще более. Теперь уже время вернуться разведчикам, если только им посчастливилось. Вождь боится за своего сына Узольда, зная его безудержную храбрость. Он опасается также, что его гостя, Сейво, быть может, уже нет более в живых; что разведчики отрезаны и блуждают в горах. Он почти раскаивается в том, что поручил Узольду столь трудное дело.

Ма принесла вождю лепешки и яблоки, не говорит ни слова, но глаза ее выражают глубокое горе.

— Ма сказала, что Уддо исчез? — неуверенно спрашивает он.

— Уддо последовал за своим господином в горы. Он порвал крепкий ремень и убежал, оставив у свай обрывок.

— Собака не могла порвать такой веревки, — задумчиво говорит Дондур.

— Кто же спустил его? — беззвучно спрашивает Ма.

— Я не знаю, — коротко отвечает вождь.

Тяжелой и густой пеленой лежит неподвижный туман; не слышно ни малейшего ветерка.

Порой долетают с острова жалобы рабынь, подобно тому,

как слышатся среди ночи крики бездомных журавлей: самих их не видно и не знаешь, куда унесет их судьба.

Вот через ряды воинов медленно проходит плачущая женщина. На ее белокурых с проседью волосах нависли капельки влаги. Из глаз ее ручьем льются слезы. Прижимая руки к вискам, она бормочет про себя:

— Я это видела, я это видела.

— Почему так плачет жена стрелка Кейэра? — с удивлением спрашивает Дондур, в то время как Ма поддерживает рыдающую.

— Я это видела, — глухим голосом отвечает женщина. — Я видела во сне Кейэра. Он явился ко мне окровавленным; в груди его зияла рана. Он пришел из полуночного царства мертвых... Он качал окровавленной головой и ничего не говорил. Он убит, Кейэр убит!

— В снах нет истины, — тихо говорит Дондур, потрясенный горем женщины и той безнадежной уверенностью, которой проникнуты ее слова.

— Кейэр вернется. Быть может, он уже подплывает теперь к поселку с Узольдом, Сувилем и спасенным Сейво. Мы воздадим разведчикам почести, — продолжает ее убеждать вождь. Женщина бросает поверхностный взгляд на непроницаемую, безмолвную полосу тумана и начинает вопить:

— Он пришел, когда я заснула от усталости. Он был нем: он только смотрел на меня мертвыми глазами. Словно спрашивал меня, как могу я спать в то время, как он лежит убитым в чаще леса. Я знаю, знаю это.

Окружающие испуганными глазами уставились на женщину. Словно ясновидящая, поднимает она руки, и, корчась от душевной боли, трясет растрепанными волосами. Мальчик, сын Кейэра, пробирается через толпу. Он бросает на мать сумрачный взгляд и, стиснув губы, безмолвно уводит ее в их хижину. У мужчин от ужаса по спине пробегают мурашки. Но на лбу ложатся морщины, руки крепче хватаются за оружие, ноги расставляются шире на деревянной решетке, которая теперь для них — все отечество.

И долетающий из хижин боязливый шепот женщин и детей вызывает в воинах, готовых к бою, дикую решимость.

Глава девятая

Плясавший медвежью пляску был задушен и беззвучно упал; Сейво освобожден. Все четверо возвращаются назад, ощупью карабкаясь во мраке по обрыву. Но вот сверкнула молния, заставившая беглецов спешить вперед, и тотчас же из ущелья раздается ужасный пронзительный крик; к нему присоединяются другие голоса. Бегство обнаружено.

Разведчики не оглядываются и не обмениваются ни одним словом, лишь Сувиль на бегу сует в руки Сейво взятый для него медный топор.

Крики преследующих удаляются: они идут, очевидно, по ложному следу. Узольд идет впереди. Внезапно слышит он поблизости протяжный вой, а затем лай собаки. Он почти останавливается, и до него вновь доносится жалобный вой.

— Это Уддо: я знаю его голос!

И, прежде чем Кейэр успевает предупредить Узольда, тот уже побежал в ту сторону, откуда слышатся звуки. Волей-неволей должны следовать за ним и другие.

Они совсем близко от места, где воет собака, но зато ближе к ним раздаются и многочисленные голоса диких горцев. Узольд мчит вперед, не обращая внимания на то, что сучьями и терновником он сдирает себе кожу.

Продолжительный блеск молнии дает ему возможность

увидеть дуб; около ствола его на задних лапах стоит Уддо, пытаясь оборвать веревку. Умной собаке удалось передвинуть свободную петлю ближе к стволу, так что она может опереться о дерево.

Несколько ударов ножа, — и ремень обрезан. Уддо с лаем бросается к своему господину. Тот велит собаке замолчать и следует за остальными.

— Узольд пожертвовал жизнью людей для собаки, — задыхаясь, шипит Кейэр, сбрасывая с себя медвежью шкуру, — карлики уже с обеих сторон опередили нас. Лай поможет им найти наш след.

Вместо того, чтобы согласиться с этим обвинением, Узольд тихо спрашивает гневным голосом:

— Кто привязал мою собаку к этому дереву?

Но беглецы увлекают его с собой, и он замолкает. Сквозь мокрый кустарник и под затихающим дождем бегут разведчики с освобожденными пленниками к реке. Рано на рассвете, среди сизой мглы, достигают беглецы долины, где в полночь происходил бой с дикарями, несшими куски мяса. Они тяжело дышат, и грудь у них вздымается так сильно, словно она готова разорваться. Гравий потерял от дождя свой обычный белый цвет и отливает серебром.

Позади разведчиков слышится шум погони. Кейэр оборачивается, собираясь прицелиться в кого-нибудь. Сейво и Узольд бегут вприпрыжку за собакой, которая крупными прыжками сбегает вниз по обрыву.

Сувиль и Кейэр следуют за ними.

С противоположного гребня гор вдруг раздается насмешливое рычание. Там и сям появляются фигуры людей.

Дикари воспользовались тем, что лучше знают местность, чтобы кратчайшим путем пробраться с другой стороны в долину. Они знают, что беглецы должны во всяком случае пересечь эту долину на обратном пути.

Ликующий возглас раздается со стороны толпы, которая гонится за разведчиками по их пятам: они теперь окружены. Но при таком быстром бегстве преследующие не решаются спуститься, чтобы не дать преследуемым уйти слишком далеко. Они бегут вдоль гребня, стараясь сократить

свой путь и опередить беглецов.

Кейэр и Сувиль сознают одновременно грозящую им опасность.

Сувиль смотрит на утомленное лицо Сейво и замечает, что сын его дальше не может идти.

— Мы должны сразиться, — говорит он Кейэру.

— Здесь мы будем скоро окружены и падем, — отвечает тот с горящими глазами и замирающим дыханием.

Сейво заметно отстает.

— Я остановлюсь, — говорит он задыхаясь, — я не могу идти дальше. Я хочу. Спасайтесь же!

Сувиль сам утомлен, но он подхватывает сына под руку и увлекает его за собой.

Кейэр осматривает на бегу каждую скалу: нельзя ли ее использовать как место обороны. Он разглядывает каждый куст, каждое дерево.

Среди долины возвышается конусообразная огромная глыба графита, отделенная от отвесной боковой стены глубокой расселиной. С трех остальных сторон омывает ее ручей.

— Наверх! — кричат почти одновременно Кейэр и Сувиль.

Как рыба, вытащенная рыболовом на берег, бросается из последних сил к воде, так бросились и наши путники на скалу. Камни катятся вниз от их прыжков; ломаются ветви низкорослых кустов. Но Кейэр уже наверху. Он помогает совершенно обессиленному Сейво, которого тащит Сувиль, взобраться на маленькую площадку на вершине скалы. За ними пробираются Узольд с собакой. Между двумя остроконечными утесами осталось пространство для нескольких кустов. Тут-то и приходится спрятаться разведчикам. Сейво закрывает глаза. Грудь его быстро поднимается и опускается. Он лежит, прислонившись к стене. Возле него на коленях стоит Сувиль. Никто не может произнести ни слова. На вершине слышится лишь похожее на звук пилы сопение задыхающихся людей да почесывание собаки.

На обоих горных гребнях, справа и слева, также царит тишина. Крики замолкли. Кейэр ползет на край площадки и выглядывает из-за куста: не покажется ли где неприят-

тель. Узольд наблюдает с противоположной стороны.

Кейэр замечает, как в одном месте движутся кусты. Это едва заметное колебание освещенных красноватым утренним светом ветвей распространяется далее вниз к ручью.

Вот выглядывает один из дикарей; его растерзанный головной убор съехал на сторону и криво висит над ухом. Он смотрит вверх на скалу.

В то же время шепчет и Узольд, едва переводя дыхание, что карлики спускаются и с противоположного горного гребня; он насчитал их восемь человек. Стрелок сожалеет о том, что выглядывающий снизу дикарь находится слишком далеко для стрелы. Но тот уже вновь исчез, и от зоркого глаза Кейэра не ускользает то обстоятельство, что дикарь вместе со своими спутниками пробирается по ущелью, которое отделяет занятую беглецами скалу от горного хребта. Путники дышат спокойнее. Даже Сейво успел отдохнуть. Он упрямо умалчивает отцу о том, что его мучает нестерпимая жажда.

Кейэр велит Сувилю и Узольду держать наготове оружие: из ущелья можно ожидать нападения. Он кладет возле себя несколько стрел, которых у него в колчане остается немного.

— Пусть Сейво смотрит в сторону ручья, чтобы карлики не взобрались наверх в тылу у нас, — говорит вполголоса стрелок.

Несколько отдохнувший Сейво исполняет его желание. Вдруг Кейэр быстро вкладывает стрелу в лук и стреляет. Вслед за тем раздается пронзительный крик. Несколько подавшись вперед, Сувиль замечает, как катится с площадки на площадку темное тело одного из врагов и как оно с плеском погружается в воду. В ответ на это раздается вой.

— Назад! — кричит в то же время Кейэр Сувилю, так как на вершину градом полетели стрелы, копы и камни. Сувиль спрятался за плитой графита. Выглянув, замечает он, что обе орды встретились в ущелье и, расположившись за разбросанными камнями, дикари шепчутся друг с другом. Кейэру хотелось бы иметь целых десять рук, чтобы стрелять в них.

— Они сейчас нападут на нас, — шепчет Кейэр.

В рядах людей, лежащих внизу, действительно, замечается движение. Они вскакивают и дикими прыжками карабкаются на крутой откос. Сувиль приготовил уже заранее широкую плиту графита. Теперь он подвигает ее на край площадки.

Кейэр стреляет спокойно, словно на охоте. Тридцать шагов подъема на откос стоили нападающим трех воинов. Наконец, принимается за дело и Узольд, и с грохотом катится широкая каменная плита в самую середину нападающих дикарей, прорывая их ряд. Пробел не заполняется. Но все же остаются еще пятнадцать человек врагов вокруг утеса: они пытаются взобраться на вершину.

— Вот первый удар! — со своего места кричит Сейво.

Один из карликов вскарабкался наверх между кустами. Он уже бросается на Сейво, но острый топор юного торговца поражает его прямо в лоб. Корчась в предсмертных судорогах, ползет он вниз и попадает на острые зубцы графита, раздирающие его тело.

Словно ящерицы, скользят остальные обратно в ущелье. Прежде, чем Кейэр нашел цель для одной из последних своих стрел, головные уборы диких из вороньих крыльев успели уже скрыться под защитой неподвижных ветвей.

Но дикари придумали уже другой план. Равномерно распределяют они свои силы вокруг утеса. Несколько человек занимают ущелье. Один переходит через ручей и становится на страже на противоположном берегу. Другие засели за утесами. Двое, однако, идут на край горного хребта и разводят там огонь; они бросают в него сырую траву, и густой, бурый дым, словно облако, поднимается в вышину. Они пронзительно кричат криком филина.

— Они подают друг другу знаки, — говорит Сувиль, — они сзывают сюда других горцев. Еще несколько часов и мы будем окружены сотнями. Тогда мы можем прокричать свой предсмертный крик.

— Голод я перенес бы, — говорит Сейво, — но язык мой жаждет воды. Я больше не могу.

Бледное солнце поднялось тем временем над краем гор. Туман спускается вниз по долине. Густым потоком стелет-

ся дым. Ложе ручья уже скрылось. Сизая, непрозрачная масса поднимается с утеса на утес. Скоро едва видно будет и ущелье, где скрывается большая часть врагов.

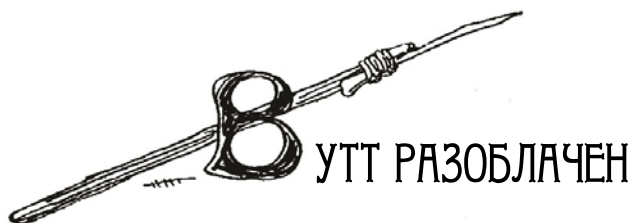
— Готовы ли вы? — чуть слышно спрашивает Кейэр. — Это — спасение!

Узольд кивает, спуская собаку. Сувиль и Сейво хватаются за оружие.

— Это подарок милостивого Солнца, — говорит Кейэр торжественно. Он спускается вниз впереди всех по крутому утесу со стороны ручья. Кажется, будто перед ними зияет неизмеримая бездонная пропасть.

Все четверо почти уже спустились, как вдруг с грохотом срывается камень. В то же время сверху раздается пронзительный гневный крик карликов. Они также воспользовались туманом, чтобы предпринять новое нападение. Они находят площадку пустою. Вновь начинается тревожное бегство.

Глава десятая

Когда первые лучи солнца вновь проникают сквозь рассеивающийся туман, освещая свайный поселок, они находят воинов в том же порядке, за брустверами, как и рано утром.

Вниз по реке несется сизо-белый пар, принимая вид колеблющихся фантастических фигур: словно стадо буйволов мчится по равнине.

Глаза Дондура беспрестанно смотрят на оба берега, которые постепенно открываются взору. С острова доносятся тихие, боязливые звуки. То поют изгнанные рабыни дрожащими голосами песню, которую они раньше пели вместе с женщинами поселка, выбивая осенью зерно из пшеничных колосьев. Так трогательно и беспомощно звучит это пение, что Ма отправляется к вождю просить за рабынь. Тот трясет головой.

— Разве Ма не знает, что две зимы тому назад они хотели бежать к диким горцам? Я должен защищать своих детей. Я не могу доверять этим рабыням, когда будут взад и вперед летать копыя, и тем более, когда дикари нападут на наши жилища!

Ма отворачивается и с грустью прислушивается к нестройному пению, которое становится все громче.

— Пением хотят они ободрить себя, — говорит она с печальной улыбкой.

Вдруг в горах раздается шум, громким эхом отражающийся от вершин. Он то приближается, то удаляется. Слы-

шен лай собаки Уддо и мощный голос Сувиля.

— Пусть переправятся на ту сторону четыре лодки с вооруженными воинами! — приказывает Дондур.

Восемь человек спрыгивают вниз, и вскоре быстрые движения весел направляют лодки-однодревки к берегу.

— Стойте! — раздается вдруг над водой громовой голос вождя, когда они приблизились к полосе камыша. Весла послушно останавливаются. Шум погони и боевой крик разведчиков слышатся уже около самой реки.

— Я не слышу оленьего крика Кейэра, — говорит Дондур стоящему рядом с ним Грауну.

— Кейэр, вероятно, хочет сохранить свой голос для нашего боя, — гневно смеется Граун, перебирая свою длинную седую бороду.

Уддо пробирается первым сквозь тростник. За ним следует Узольд. Вождь вздохнул свободно, убедившись, что сын его жив. Вот показался и Сейво; с криком бросает он топор в невидимого врага и кидается затем в воду. Сувиль идет вплотную за своим сыном; он бросает в воду тяжелую ношу и тащит ее за собой по направлению к ближайшей лодке.

Воины стоят в лодках с поднятыми копьями. Одно копье уже проносится со свистом и вонзается в грудь неосторожно показавшегося горца.

Из-за тростника раздается вой, подобный вою ночных волков.

Сейво, Узольд и Сувиль вскочили уже в челноки. Узольд втащил за собой и собаку. Сувиль же держит одну руку согнутою в воде. Так плывут они обратно к поселку.

— Сувиль придерживает рукой в воде мертвеца, — угроженно говорит Граун. Всем становится жутко.

Челнок Сувиля причаливает первым. Его уже ожидает жена Кейэра с сыном. Содрогаясь от безутешных рыданий, вытаскивает мальчик из реки мертвое тело отца. Страшная рана зияет на шее и на груди усопшего. Лицо матери словно окаменело. Она не рыдает; нежно берет она покойного в свои объятия и уносит его в свою хижину, не проливая горючих слез на его растерзанную грудь.

Дондур хотел было подойти к женщине, но серьезность момента требует его полного внимания. В то время как он наблюдает за берегом, подходят разведчики.

Сувиль рассказывает, тяжело дыша после каждого слова:

— Надев боевые уборы, они танцевали медвежьей пляску. Их было много-много человек. Они зажгли огни, и на отдаленных горах им ответили тем же. Началась гроза. Мы освободили Сейво и бежали. Они погнались за нами. Нас вел Кейэр, храбрейший из всех. Мы взобрались на скалу. Многих удалось нам убить. Больше всех убивал Кейэр. Сгустился туман, и мы отправились дальше. Мы дошли до края гор. Когда уже виднелся свайный поселок, Кейэр споткнулся. Он выстрелил своей последней стрелой. Каждый из нас боролся против троих. Кейэр был ранен. Он с криком упал; я же стащил его вниз, оберегая от позора.

— Мы отомстим за его смерть, — говорит вождь, опуская голову. — Спасибо Сувилю!

— Спасибо вождю за освобождение Сейво! — отвечает тот.

Старый Граун думает о Кейэре, своем благородном товарище по оружию. Не один поход и не одну охоту совершил он вместе с ним. Он скрежещет зубами и в волнении хватается за свой топор.

Держа в своей руке руку отца, Узольд рассказывает ему о привязанной собаке. Из хижины долетают пронзительные крики, перемежающиеся с лаем Уддо. Едва очутившись на свайной решетке, собака опустила морду и начала с рычанием кого-то искать.

Она вскоре исчезла в одной из хижин. Вождь и остальные, поспешившие на шум, видят, что собака, оцетинившись, прыгает по оружейному складу, тогда как между перекладинами крыши торчит Вутт. Его колено окровавлено от укусов расвирупевшей собаки. Едва лишь заметив приближающихся людей, Вутт быстро пробирается сквозь тростниковую кровлю, прыгает через несколько крыш и бросается сверху в воду. Он поспешно плывет к острову и исчезает в камыше. Из хижины, где помещался склад оружия, вскоре раздаются громкие крики. Подоспевшие Граун и Вальдун находят Дондура и разведчиков на полу на коленях.

— Оружие наше похищено, — восклицает Дондур. — Вутт, вероятно, потопил его в воде.

Дондур вскакивает и бросается к страже, поставленной у лодок: она должна была бы заметить это. Но стражи нет более. Из хижины тем временем вновь раздается крик.

Под мехами спрятано похолодевшее тело юного сторожа с каменным ножом в спине.

— Змея, которую я взрастил и пригрел, — мрачно бормочет Дондур.

Нет совсем каменных топоров, точно так же как и изготовленных стрел. Остались лишь ножи да копья: собака, очевидно, помешала изменнику довести дело до конца. Воины смотрят друг на друга: исчезнувшее оружие незаменимо. Вопросы и ответы быстро следуют друг за другом. Теперь Узольд знает, кто привязал к дубу собаку.

Дондур и Граун беспомощно смотрят друг на друга: «Одно нападение мы еще можем выдержать, но кто даст нам оружие для второго?»

Узольд, лучший пловец в поселке, решительно прыгает в воду. Он всплывает наверх, весь красный; руки и плечи его покрыты илом. Но в руках его топор.

— Оружие лежит на дне, но слишком глубоко. Я нашел одну вещь, но почти захлебнулся сам илом, — произнес он. С него так и капает вода.

Дондур видит невозможность извлечь со дна реки потопленное оружие. Громким голосом сзывает он ремесленников. Все шести, без которых мало-мальски можно обойтись, обжигаются и заостряются. Они должны служить метательными копьями, чтобы хотя сколько-нибудь заменить недостающие топоры и стрелы. Велено приготовить также все хозяйственные орудия.

— Если Вутт вернется, его сразит мой нож, — говорит вождь Грауну.

— Он идет к своему племени, которое уже ожидает его в лесу. Скоро увидим мы его подвиги! — отвечает старик.

Известие об исчезновении оружия вызвало в поселке ужас. Мужчины проклинают Вутта. Дондур подсчитывает своих воинов: их семьдесят два. Он усиливает стражу око-

ло лодок; десять человек расставляет он у свай, чтобы ни один пловец не мог проникнуть тайно снизу. Он велит затем женщинам накормить и напоить разведчиков.

Солнце стоит уже высоко, освещая одними и теми же теплыми лучами готовый к бою свайный поселок и собравшиеся на берегу толпы диких горцев. Граун смотрит своим соколиным оком на тот берег и называет товарищам дикарей.

— Вот эти, с вороньими перьями на голове, пришли из ущелья; это они захватили в плен торговца. Другие же, одетые в плотно прилегающую шкуру и вооруженные копьями, пришли с реки. Они хорошие пловцы и свирепые воины. Низкорослые, без головных украшений, — жители долины к западу от гор: убитым врагам они отрубают в знак победы голову. Гей! Вот так бой будет у нас! Их много-много, и к ним подходят все новые!

Глава одиннадцатая

Подкрепившись пищей, идут разведчики отдохнуть: Узольд — в хижину вождя, Сувиль и Сейво — в другое помещение, которое им указывает Ма. Все трое хотят, чтобы их разбудили при первом боевом шуме.

Едва успели они лечь на меховое ложе, как тотчас же погрузились в глубокий сон, утомленные напряжением последних дней. Сейво хочет еще заговорить с отцом, но сон смыкает его уста, да и Сувиль ничего не слышит больше.

Проснувшись, видят перед собой торговцы Узольда. Он говорит им:

— Мы построили и укрепили посреди деревни лестницу. С верхней ступеньки ее можно наблюдать за дикими. Они сидят и совещаются. С ними Вутт, тот самый, который выбросил в воду наше оружие! — прибавляет юный разведчик и сообщает, насколько тяжела для поселка потеря оружие.

Затем спешит он к отцу, чтобы вместе с ним встать у бруствера. Сувиль и Сейво протирают себе глаза и вскакивают.

— Пусть Сувиль еще останется на некоторое время с сыном, — говорит Сейво серьезно.

— Сейво не должен быть столь угрюмым, — возражает отец, заключая вновь обретенного сына в свои объятия, — все будет хорошо. Сувиль и Сейво вновь увидят родину и привезут с собой богатые сокровища.

— Сейво не хочет сокровищ, приобретенных веролом-

ством, — отвечает юный торговец.

Отец смотрит на него с изумлением.

— Что хочет сказать Сейво?

Схватив руку отца, Сейво в волнении спрашивает:

— Гостеприимные хозяева Сувиля в беде. А предложил ли им Сувиль оружие, спрятанное на острове?

Глаза старика испуганно расширяются.

— Как мог я дать оружие людям на сваях, раз я не знаю, не будет ли завтра пустое водное пространство на том месте, где сегодня стоит деревня? Кто мне тогда вернет мое добро, накопленное с трудом за всю мою жизнь? Оно мне стоило немалой борьбы, а между тем, будет развеяно по ветру, когда люди свайного поселка завтра утром обратятся в бегство.

Тогда Сейво выпрямляется во весь свой рост.

— Сувиль знает, как я благодарил его за освобождение еще в то время, когда мы бежали от диких. Теперь же я вот что скажу: легче было бы мне быть замученным и заколотым у пещер женщинами диких, чем еще раз услышать от Сувиля такие слова.

Теперь взволновался и отец.

— Для чего же мы тогда трудимся? Почему не остаемся жить спокойно на озерах среди снежных гор, пока не умрем на ложе из звериных шкур? Зачем боремся среди тысячи опасностей, подвергаясь невзгодам бесконечных путешествий? Почему ж нам в таком случае не потопить наших сокровищ в реке, дабы никогда более не коснулась их ничья рука? Уж не подарить ли нам топоры и котлы детям для игр? В таком случае я трижды десять лет был дураком, которому лучше было бы пасти коров.

— Пусть Сувиль не прогневается, — говорит Сейво, отступая, — но вот что хочу сказать я своему отцу. Если торговец Сувиль ничего не скажет о спрятанном оружии своим гостеприимным хозяевам, пожертвовавшим для него лучшим из воинов, то, когда дикари нападут на поселок, сын его высоко поднимется над бруствером, чтобы подставить свою грудь под первое летящее копьё. Я знал своего отца богатырем в бою; сыном же бесчестного человека я не желаю

быть. Коли Сувиль так любит свои сокровища, прекрасно: пусть он поднимет своего умирающего сына и положит туда же, к мечам и обручам. Пусть свезет он сокровища свои на родину, в снежные горы, и будет хвалиться тем, что он — самый богатый человек на озерах. Пусть он наменяет себе сколько угодно быков, свиней и коз. Пусть высокими кучами лежат у него зерна, меха, медь, лен, одежда и все, чего он только захочет. Но, прежде чем отплыть в отчизну, пусть он бросит своего сына в реку, на съедение рыбам. Это было бы лучше, чем жить негодяем и знать, что совершил бесчестный поступок, покинув в нужде хозяина.

Вытянувшись во весь рост, стоит Сейво перед старым торговцем. Тот вновь опускается на ложе, подперев голову руками. Оба молчат.

Сквозь дымовое отверстие в крыше заглядывают в хижину серые сумерки. Густые тучи нависли на небе. Темнеет, и мелкий дождь капает на тростниковую кровлю.

— Пусть Сейво выслушает меня, — надорванным голосом говорит опять отец. — Разве я для себя копил меха, медь и стада на родине? Не поседел ли я, и не ослабела ли моя рука? Уже, быть может, завтра буду я блуждать по темным полуночным лесам, где обитают мертвецы. Не прокричала ли мне сова, что час мой настал? Что мне оружие, медь и имущество? Для Сейво копил я их; ради Сейво предпринимал опасные странствования. Сейво, сын мой единственный, должен стать могучим вождем в деревнях среди снежных гор. Пусть он господствует над поселками могучим воином! Для этого воспитал я его. Он должен стать богатейшим: для этого ездил я трижды десять лет, подвергаясь лишениям и опасностям. Теперь же, возвращаясь из последнего странствования с большой добычей, должен ли я все бросить, чтобы вновь стать бедняком, таким бедняком, что Сейво, сыну своему, я едва могу оставить в наследство единственный топор.

Оба опять замолчали. Стало так темно, что они едва могут видеть друг друга.

Тогда Сейво становится на колени перед своим отцом и схватывает его руку.

— Когда Сейво был маленьким, Сувиль учил его охотиться, лазать по горам, грести веслами и плавать. Сейво выучился всему этому лучше, чем все другие. Когда Сейво подрос, научил его отец носить оружие и пользоваться им, и Сувиль не может стыдиться своего сына. Сейво стал взрослым воином. Когда он отправился с Сувилем странствовать, то каждое дело Сувиля было достойно воина. Это лучше и ценнее, чем лодка с топорами и медными сосудами или дважды десять тюков с дорогими мехами. Пусть так и останется. Сейво не будет больше угрожать. Пусть Сувиль посмотрит на своего сына: он силен и молод, он заставит себя уважать на родине. Сейво просит отца, чтобы он пошел к Дондуру и сказал бы ему так: «На первом острове, лежащем вниз по течению, зарыт склад оружия. Для каждого из твоих воинов найдется меч, нож, стрелы и все, что надо, — всего в изобилии». Сейво за это более благодарен отцу, чем за освобождение от дикарей.

Сувиль быстро поднимается. Он кладет руку на плечи сына и так приближается к лицу его, что Сейво может видеть блеск его голубых глаз.

— Сувиль пойдет к вождю, как этого хочет Сейво, но одного лишь требует отец от своего сына: Сувиль поедет нынче ночью на двух лодках и попытается добыть оружие. Сейво же пусть остается в свайном поселке. Сувиль не хочет потерять его еще раз на одном из тех островов!

Сейво грустно опускает голову. Старый же торговец отправляется к Дондуру и долго беседует с вождем.

Наступила темная ночь. Беспреданно льет на крыши мелкий дождик. Если бы не вспыхнуло на берегу несколько огней, то никто не знал бы, что оттуда грозит опасность.

Тишина нарушается внезапно дикими криками и воплями женщин, долетающими с острова. Среди глубокого мрака ночи раздаются рыдания, глухие стоны и возгласы на чужом языке. Потом все стихло. Услышав предсмертные крики, суровый Дондур содрогается, словно кусок скалы упал ему на плечи.

— Это рабыни на острове, — говорит Граун. — Дикари заняли остров и нашли хижину. Они думали, что это наши, и

радуются убийству. Теперь мы имеем неприятеля с двух сторон. Надо ждать первого нападения!

Дондур дает приказание сдавленным голосом:

— Пусть отвяжут две лодки, лучшие из всех, и пусть погасят факелы. Шесть охотников поедут с Сувилем, который поведет их. Весла обмотать льном, оружие держать наготове и грести как можно быстрее и как можно беззвучнее!

Привязав поспешно собаку, Узольд прыгает в первый из приготовленных челнов. И беззвучно исчезает во мраке с обеими лодками Сувиль.

Глава двенадцатая

ЕРВЫЙ ПРИСТУП

— Теперь зажгите вновь факелы, чтобы было всюду светло и чтобы никто не подкрался незаметным образом к постройкам! Влезь на лестницу, Вальдун! Что видишь ты?

— Они сидят толпами вокруг огня. Некоторые стоят на берегу, другие плывут на древесных стволах к острову. Наши факелы далеко освещают реку.

— Видны ли еще лодки?

— Нет.

— Видишь ли ты Вутта?

— Нет. Я ищу его, но его нет ни там, ни здесь. Дикари зажигают на острове также огонь.

— Можешь ли ты сидеть наверху? — спрашивает вождь.

— Да, я сажу на верхней ступеньке.

— Оставайся тут до полуночи. Потом тебя сменят. Я поставлю внизу мальчика: он будет мне передавать все, что ты будешь говорить.

Дондур направляется к женщинам.

— Принесли ли вы мужчинам пищу? — спрашивает он.

Получив утвердительный ответ, велит он поставить на очаги большие горшки с кусками смолы, чтобы прокипятить эту клейкую массу. Он приказывает также приготовить кипяток.

Так проходит час за часом. Приближается полночь. К вождю прибегает маленький посланный от Вальдуна.

— Они тушат огни, Дондур; они бегут по берегу. Целыми толпами стоят они за камышом и выстраиваются.

— Они идут! — пробегает шепот по рядам мужчин; не одна рука с копьём поднимается за бруствером. Граун держит наготове свой ремень и берет в руки камень.

Дондур ободряет борцов словами.

Какая-то женщина подходит и спрашивает, куда поставить горшки с кипящей смолой. Дондур велит оставить их на огне и приготовить деревянные ложки.

Стоящий на страже в тылу у деревни, вместе с другим пастухом, «Буйвол» кричит, что темные толпы диких спускаются с острова в воду. В то же время подбегает запыхавшийся мальчик, но прежде, чем он успевает заговорить, Граун восклицает:

— Они выходят также и из-за тростника. Их много!..

Тогда возвышают воины свой голос и громко кричат свой боевой клич:

— Солнце, Солнце, будь ты с нами!

Вождь повелевает громовым голосом принести смолу и воду. Он отправляет мальчика к воинам, стоящим на страже у лодок, чтобы они смотрели в оба.

Тучи рассеиваются. Кажется, что вот-вот проглянет месяц.

С криканьем вылетают с острова и из прибрежного тростника птицы.

С обеих сторон надвигаются темные силы неприятелей. Многие из них плывут, другие, не умея плавать, держатся за куски дерева.

Среди мужчин появляются за бруствером и мальчики. В руках у них копья, и глаза их блестят. Женщины стоят около горшков и опускают ложки в кипящую массу.

Дикари быстро плывут в перегонку.

Темные тела их барахтаются в воде. То и дело всплывают и ныряют их головы. Слышатся прицеливающие и рычащие звуки их языка.

Жители свайного поселка, наоборот, спокойны; они слов-

но окаменели. Только одни женщины шумят позади бойцов.

Ближе и ближе надвигаются враги; полузакрытая луна светит уже так ясно, что можно различить белки их глаз.

Тогда Граун мечет свой первый камень, и плывущий впереди дикарь погружается с гортанным звуком в воду. Вновь свистит камень; он попадает в чью-то руку, ухватившуюся за доску. Раненый барахтается, пытаясь ухватить другой рукой пустое пространство, и тонет.

Засвистели стрелы. Летят копья и камни.

Пловцы почти не причиняют вреда воинам, укрывшимся за бруствером. Но нападающих слишком много. Вот они уже хватаются руками за свайную решетку; другие пытаются проскользнуть под нее вниз, но стража, поставленная у лодок, поражает их стрелами и копьями.

Женщины выливают из горшков горячую смолу; содрогаясь, подаются ослепленные с рычанием назад.

Вдруг раздаются громкие крики с другой стороны деревни. Остров послал больше врагов, чем мог предположить наблюдавший за ними, и нападающим удалось взобраться на решетку в том месте, где был сломан мост.

Туда спешат Дондур, Сейво и Граун.

Уже около пятидесяти человек дикарей заняли там хижину, и «Буйвол» падает в бою с раздробленным плечом. Вальдун собирается отомстить за него, но и его поражает в плечо острый топор свирепых нападающих.

Вспомнив о своей богатырской силе, схватывает Дондур большой ткацкий станок; мощным размахом бросает он его в ряды диких, прыгая сам вслед за ним, и его оружие, острый топор Сувиля, так и косит сплоченную толпу. Граун и Сейво следуют за ним, и остаток неприятелей с отвратительным криком бросается через сломанную стену хижины в воду.

Борцы вновь спешат вперед, но и там приступ отражен, и неприятели густыми толпами бегут опять к берегу.

Но за бруствером лежат шесть человек убитых, сраженных топорами нападающих.

Какая-то молодая женщина стоит на коленях возле маль-

чика. Лишь десять зим жил он, но кровь уже струится из зияющей раны на челе его, покрывая густою краской его белокурые волосы.

— Солнце, Солнце охраняет нас! — восклицают воины.

Но Дондур проходит по рядам и считает оружие с омраченным лицом и затуманившимися глазами.

Он посылает одного мальчика на лестницу. Громким голосом кричит дитя о том, что оно видит:

— Они бегут в леса. Ни одного больше не вижу я на берегу. Своих раненых берут они с собой. Нет: вот за кустами ивняка кое-кто еще остался, а некоторые сидят между сучьями ольхи.

— А остров? — спрашивает снизу Дондур.

— Они расположились там в кустах. Видно только, что их много.

— Они убегут в горы, и мы будем свободны! — ликует какая-то женщина.

Но вождь отвечает ей:

— Они не убегут. Они теперь не отстанут, да так и лучше. Сейчас мы приготовились к бою, а ночей через восемь мы, быть может, уже не были бы готовы.

Над свайной деревней стоит полная, яркая луна. Потухающие факелы бросают в воду. Серебристый лунный свет льется, освещая маленький, храбрый народец.

За бруствером идет оживленная работа. Из палок вырезаются и заостряются стрелы, но дерево не обладает тяжестью камня. Домашняя утварь и хозяйственные орудия обращаются на боевые цели. Кипятят новую смолу. Тревожно проходит по рядам Дондур со старым Грауном. У некоторых воинов не осталось больше топоров, так как в пылу боя бросили они свои топоры навстречу наступающему неприятелю. Немало пращей сделались также непригодными.

— Мы будем драться кулаками, Дондур! — говорит Граун, и свет месяца мерцает на его седой бороде.

— Если бы мы знали, по крайней мере, что будем нуждаться в оружии в то время, когда отсылали гонца к Эзо, на Драконову скалу, то Эзо нам, конечно, помог бы. Теперь же

он не знает, что мы потеряли оружие, и, может быть, не придет, — возражает Дондур.

Затем они оба направляются к Вальдуну. Бледный, лежит он на меховом ложе в доме собраний.

— При следующем приступе карликов Вальдун не может держать оружие. У него мутится притом в глазах от слабости. Но если они проникнут в хижину, то Вальдун возьмет нож в левую руку и пойдет на врага.

Оба воина идут к нижнему краю свайной деревни и озабоченно следят: не покажутся ли челноки?..

Глава тринадцатая

В то время, как вокруг свайного поселка раздается первый боевой шум, на острове, где спрятано оружие Сувиля, царит еще глубокий мир.

Моросит мелкий дождь и остров лежит среди безмолвного мрака. Лысухи вылавливают улиток; утки плавают вокруг своих гнезд. Капли дождя стекают с тростника и с листьев ивы.

Но вот поднимаются в темное пространство с криканьем утки, и лысухи спасаются за реку. На берег вступают темные фигуры; всех их около пятнадцати. Впереди их идет Вутт: он ведет их. У него бьется сердце, и он сгорает от досады.

Охотнее умолчал бы он о существовании клада; но горцы посмотрели на него так угрожающе, что он должен был возбудить в них алчность, опасаясь, что они тут же убьют его, когда он только что переправился к ним на берег и заговорил на их языке.

И теперь еще время от времени чувствует он, как скользят по нему их злобно-насмешливые взгляды.

Хотя он прекрасно знает, несмотря на окружающий мрак, куда ему следует направить свои шаги, он делает вид, что

ищет: он хочет выиграть время. Он все еще обдумывает: не лучше ли ему прыгнуть в воду и исчезнуть среди темной ночи. Но у него вновь является надежда, что свайный поселок будет разрушен и что он как-нибудь сумеет удержать свои сокровища. Месть Дондуру, смерть Сувилю, Сейво и Узольду!

— Вутт зажжет огонь, — говорит он на языке горцев, которому он научился от пленных рабынь.

Сырые дрова дают лишь скудное пламя. С горящим поленом в руках исследует перебежчик почву. Вот это место: слой земли уже несколько осел, и ищущий днем мог бы легко заметить его. Каменными топорами взрывают горцы почву и сбрасывают в сторону комья земли.

Вутт роется руками в земле, словно крот. При мерцающем свете костра глаза его горят алчностью зверя. Вот показались завернутые тюки с мехами, которые он выбрасывает из ямы.

Вот оружие, кольца, обручи, предметы украшения, уварь из блестящей бронзы. Изменник бросается на клад всей своей тяжестью; он погружает в него руки. Схватив целую охапку, он прижимает звенящий металл к своей груди. Он встает, задыхаясь, и сердце его сжимается при виде того, как кое-кто из дикарей выбирает себе оружие, испытующе размахивая им. Вутту кажется, словно с него сдирают кожу.

Но в тылу у дикарей вдруг появляются люди со свай. Не произнося боевого клича, с поднятыми копьями бросаются они на застигнутых врасплох.

Беззвучный бой начинается во мраке, грудь против груди. Тлеющие ветви давно отброшены.

Вутт издает пронзительный крик, увидев перед собой Сувиля, и яростный гнев превращает труса в лютого зверя. Он бросается на торговца, ловкими движениями избегает удара мечом со стороны своего противника, подкрадывается к нему и, словно кошка, вцепляется обеими руками в горло ненавистного. Тот с криком валяется по земле, пытаясь сбросить врага.

У Сувиля уже прыгают перед глазами красные и зеле-

ные круги, и руки его опускаются. Но ему удается выхватить из-за пояса нож, и неуверенными движениями вонзает он его в голову лежащего на нем Вутта.

Острое лезвие разрывает щеку и вонзается в язык; тогда вцепившиеся руки Вутта освобождают Сувиля, и Вутт так же быстро, как наскочил, прячется теперь среди дикарей, обратившись вместе с ними в бегство. Они бегут на самый край острова, преследуемые копьями людей из свайного поселка.

Небо прояснилось, и сквозь тучи проглянула яркая луна.

Сувиль приказывает своим спутникам начать новое нападение; тем временем он быстро перетаскивает клад в лодки. Первую лодку наполнил он до краев, оставив лишь место для гребцов.

Противники бьются поодаль, и при лунном свете мерцает быстро размахиваемое оружие. Узольд проникает с пронзительным соколиным криком в толпу неприятелей и сражает топором их вождя. Когда Сувиль проносит остаток оружия во вторую лодку, перед ним внезапно снова появляется Вутт. Прежде чем Сувиль достиг челнока, Вутт пытается оттолкнуть тяжело нагруженную лодку на глубокое место, чтобы потом уехать на нем.

Сувиль с криком опережает его. Он бросает звенящую ношу и взмахивает мечом. Но Вутт трусливо убегает к другим неприятелям.

Пало несколько человек врагов, но и двое людей из свайного поселка лежат на лугу.

— К лодкам! — мощным голосом кричит Сувиль, подбирая разбросанное оружие. Воины следуют за ним, а силы дикарей слишком ослабели для того, чтобы препятствовать возвращению свайных людей. Тяжело погружаются весла, и около носа лодки всплескивает вода. При мерцающем свете месяца видят воины, сидящие в лодке, как дикари с воем бросаются на Вутта и награждают его ударами кулаков.

Вскоре исчезает остров за излучиной реки. Равномерное поскрипывание весел и тяжелое дыхание людей — вот единственные звуки, которые еще слышатся на воде. Впе-

реди, на носу челноков, стоят с шестами Сувиль и Узольд и направляют лодки в сторону. Торговец велит затем ехать на отмель вдоль правого берега. Движимые веслами и шестами, лодки быстро несутся вверх по течению.

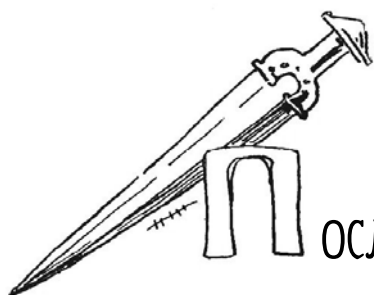
— Мы достали оружие! — вполголоса ликует Узольд.

— Эта поездка может нам стоить жизни, — говорит Сувиль. — Мы должны прибыть раньше дикарей, которых мы настигли на острове. Если они придут раньше на берег к посланным их дикарям — мы пропали: они поймают нас.

А окровавленного Вутта дикари связывают ремнями, привязывают к куску дерева и тащат на берег. Окровавленное лицо его искажено ненавистью, он упирается, но поспешно волокут за собой дикари Вутта через темный лес к главной орде, осаждающей свайный поселок.

Опять покоится остров, освещенный тихим лунным сиянием. Утки возвращаются на прежние места, и лысухи возобновляют свою ловлю. Широкими взмахами крыльев спускается в воду вблизи тростника цапля и ходит взад и вперед, чего-то ища. Только в том месте, где был спрятан клад, валяются куски земли, котлы, драгоценные украшения и тюки с мехами. Луг истоптан и обгаден кровью, а под ивами лежат трупы павших в бою.

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ПРИСТУП

— Две лодки с полуночной стороны! — раздается с лестницы.

Дондур, который вместе с старым Грауном наблюдал за дикарями на острове, спешит к нижнему концу деревни. Но ничего не видно. На востоке брезжит рассвет. Высоко поднялась над поселком бледная луна. Нет ни одной тучки на мрачной синеве небес.

— Где лодки? — кричит сыну Дондур.

— Около самого берега, справа, в тени деревьев.

— Наши ли это лодки или чужие? Быть может, это помощь от Эзо?

— Мне кажется, — раздается сверху ответ, — что это наши челноки. Они направляются поперек реки к острову. На острове становится тревожно: дикари кричат, делают друг другу знаки и спешат на берег. Они заметили челноки.

— Приготовьте четыре лодки, посадите туда лучших бойцов и ехать навстречу товарищам!.. Я вижу их теперь, — гремит голос вождя.

Сейво прыгает первым на челнок. Все четыре лодки уже отчаливают, направляясь к обоим нагруженным челнокам, которые борются с течением, относящим их вниз.

— На острове пусто. Все враги плывут к челнокам. Много голов виднеются в реке, — кричит сверху мальчик.

Лодки соединяются, и все шесть челноков борются с пловцами. Весла, топоры, шесты и копья — все пускается в ход против врага, направляющего свои главные усилия против нагруженных лодок. Одна из последних опрокидывается дикарями, и груз с шумом погружается в глубину, тогда как челн поворачивается килем вверх.

Пловцы-товарищи приняты на другие лодки. Дондур издает пронзительный соколиный крик, увидев, что Узольд вновь размахивает топором на одном из челноков. Они подплывают все ближе. Уже слышно их прерывистое дыхание. Одному из стрелков с бруствера удается попасть стрелой в голову плывущего за лодками горца. Остальные пловцы бросают погоню и возвращаются обратно к острову.

С плеском входят лодки в тихие воды близ свайного поселка и исчезают под решеткой. В том месте, где они причаливают, их встречают Дондур и Граун. Глаза их загораются ярким блеском при виде оружия, до краев наполняющего спасенный челнок.

— Потоплено меньше, — говорит торговец. Он изнурен и бросается навзничь, а вместе с ним и остальные гребцы с обоих челноков.

Зато в руки безоружных воинов попадают длинные бронзовые мечи, к копьям и стрелам прикрепляются наконечники. Женщины и ремесленники усердно работают.

— Наконечников для стрел хватит на целую неделю! — ликует старый Граун.

Дондур сам приносит усталым гребцам пищу и питье и сообщает о ночном бое.

С горящими глазами стоит Сейво возле отца. Он видит, какую радость доставило хозяевам оружие, и шепчет Сувилю:

— Теперь мы воистину богаты.

Старик-торговец кивает ему головой и вскакивает.

— Ныне я опять стал лишь воином, как в былые времена, — во времена моей молодости!

На левом берегу раздается вдруг завывание дикарей.

— Что ты видишь? — спрашивает Дондур мальчика, стоящего на лестнице.

— Они притащили какого-то связанного человека. Они размахивают над ним топорами и толкают его рукоятками. Он вскидывает руками; они прислушиваются и бросают связанного возле костра.

Сувиль рассказывает о ночном бое на острове.

— Так это — Вутт? — спрашивают снизу.

— Да, это Вутт. Он умоляет вождя, ползая на коленях. Они его отбрасывают пинками ноги. Он все говорит и говорит. Они его развязывают! Теперь мне его более не видно: его утащили за деревья.

— Какое бедствие придумает для нас теперь Вутт? — спрашивает Дондур.

— Хоть бы его сразил топор прежде, чем он успеет показать, — говорит Граун.

Новое острое оружие вливает новое мужество в ряды жителей свайного поселка. Женщины дают им хлеба, а кто-то из них быстро съедает мучную похлебку.

Над горами встает яркое солнце. Красным блеском горит оно на лезвиях мечей, которыми воины размахивают в воздухе, чтобы испытать их вес.

— Солнце, Солнце нам поможет! — восклицают воины.

Сувиль и вождь наблюдают за берегом.

— Смотрит ли Дондур туда, где лежат древесные стволы? — спрашивает торговец.

В то же время с вышки раздается голос мальчика:

— Они около того места, где лежат наши дрова. Они бросают в воду срубленные стволы, привязывают их к плоту, стоящему в той бухте, срывают ивовые ветви и перевязывают ими стволы.

— Плот! — в ужасе кричит Дондур.

— Мы его забыли!

— Слишком часто слышал Вутт мою песню. Он хочет показать, что хорошо запомнил ее, — угрюмо смеется старый Граун.

Плот растет в ширину и в длину. С шумом и гамом связывают горцы стволы; он все увеличивается и увеличивается.

Но обитатели свайного поселка не растерялись. Они ук-

репляют бруствер на верхнем конце, где нужно ожидать прибытие плота. Приготовив оружие, сносят они его туда и держат наготове горящие головни. Но в сравнении с лихорадочной деятельностью врагов, кажется, что они бездействуют и лишь наблюдают, как растёт дело, грозящее им гибелью.

Карлики-горцы нагромождают целой башней толстые пучки зеленых ветвей, чтобы укрыться за ними от неприятельского оружия. Они стаскивают с откоса плоские плиты графита и кладут их на плот. Они заполняют выемки тростниками и листьями. Чем выше поднимается солнце, тем громче раздаётся боевой крик горцев, уверенных в победе.

О каждом их движении сообщает с вышки мальчик. Но теперь можно видеть уже и с решетки, как они толпами стоят в воде возле плота, пытаясь его стащить на глубокое место.

Наконец, плот сдвинут с мели и медленно плывет, отталкиваемый многочисленными руками и шестами, к верхнему концу свайного поселка. На заднем краю плота мерцает огонь; возле него лежит связанный Вутт.

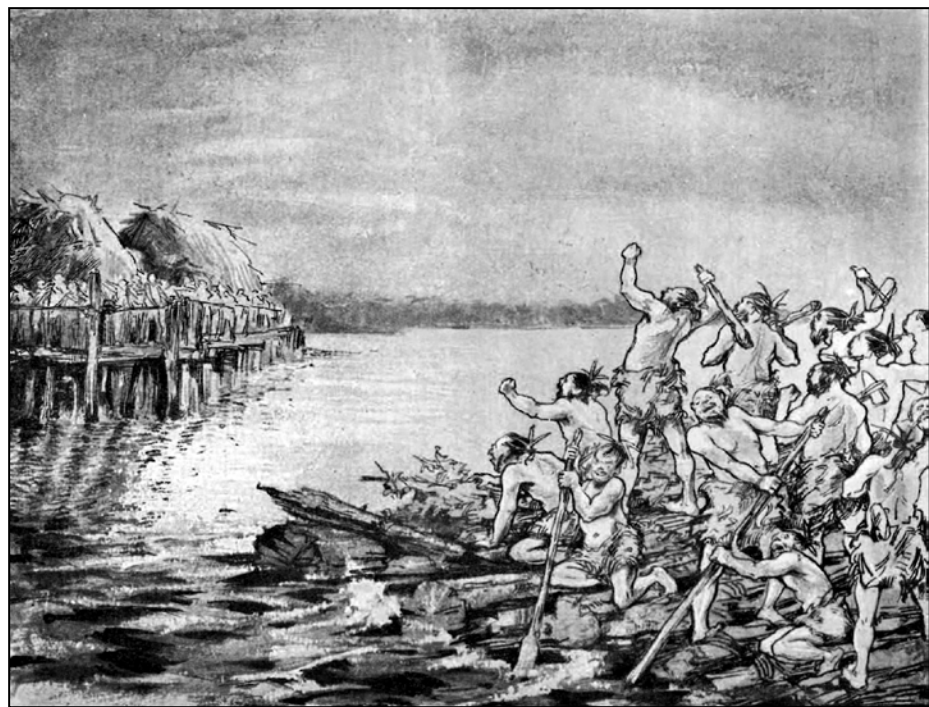
Так сообщает сверху мальчик.

— На передней части плота возвышается укрепление из зеленого фашичника, за которым скрывается много вооруженных людей. Кто может плыть, плывет рядом с плотом.

Но с одной стороны плота течение оказывается сильней, так что тяжелое сооружение готово повернуться. С треском расползаются бревна, слабо скрепленные ивовыми ветвями. Люди на сваях издают уже ликующий крик; но подопсывают пловцы, вновь направляющие плот.

Полетели уже первые стрелы. Граун держит, прицеливаясь, в руке пращу. Но теперь горцы не беспомощны, как это было при первом приступе: они способны сами метать оружие! С треском сыплются беспрестанно с плота целые тучи стрел, камней и копий. Если они и не причиняют там такого вреда, какой наносит метательное оружие свайных людей тесно сплоченным рядам диких, тем не менее, за бруствером лежит уже не один смертельно раненный воин.

Дондур и Узольд издают свой пронзительный боевой крик. В ответ им несется из-за зеленого укрепления на пло-

те свирепое шипение, завывание диких горцев.

Один угол плота ударился о сваи; вслед за ним медленно подошел и другой.

Начинается рукопашный бой.

Дондур взмахивает огромной палицей, раскалывает череп первому ухватившемуся за край свайной решетки. В воздухе свистят мечи из блестящей красной бронзы. Граун поражает наступающих топором.

Женщины выливают кипящую смолу на рычащие полчища.

Дикарям еще нигде не удалось перелезть через бруствер, но Дондур смотрит озабоченно на редеющие ряды своих воинов.

Вутт лежит связанным далеко позади костра, разведенного на плитах графита. Его можно было бы принять за убитого, если бы время от времени не бегали его коварные глаза. Грауну очень хотелось бы метнуть в него камень, но жаркий бой не позволяет этого.

Вдруг позади обороняющихся раздается лай. Собака Уддо, оторвавшись, стремглав летит в воду, взбирается на плот, бросается на связанного изменника и свирепыми укусами раздирает ему лицо.

Вутт рычит и в смертельном страхе сползает в воду, но и там не выпускает его рассвирепевшее животное. Глухо трещат кости хрипящего Вутта, и с прокушенным затылком погружается он в глубину.

Собака обращается в бегство, словно опасаясь ударов своего господина, и во весь опор мчится через лодки в хижину вождя.

Дикари нападают с новой яростью.

Топоры их разрушают часть бруствера.

Дондур, бросившийся навстречу нападающим, пошатнулся, оглушенный ударом дубины. Осаждающие взбираются на решетку. За ними следуют новые. Дикари массой стоят теперь лицом к лицу с растаявшей кучкой обитателей свай.

Сувиль и Сейво бросаются в сопровождении Узольда, следуя призыву Грауна, на сторону, обращенную к острову, и нападают на пришельцев. Не одну глубокую рану нано-

сят их мечи, но дикари прорываются сквозь укрепление и занимают его сами. Дондур, еще не опомнившийся от нанесенного ему удара, опять собирается броситься на них, но его удерживают. Граун, засевший за кадкой, мечет оттуда камни.

Но горцы бросаются теперь и с плота на стесненных противников.

Женщины с криком спасаются в хижины, нагромождая возле дверей всякую утварь. Из хлебов доносится тревожный рев животных. В одном месте поселка уже вспыхнул огонь.

Неподвижно смотрит Дондур на начинающееся поражение своих воинов. Сувиль, Сейво и Узольд отчаянно борются с небольшим числом охотников против подавляющего количества врагов.

Но вот, словно привидение, бросается сквозь ряды свайных людей какая-то женщина; левая рука ее обернута шкурой, правая размахивает топором.

Гигантскими шагами бросается она через бруствер, воздвигнутый неприятелем. Это жена Кейэра; а по пятам за ней следует сын Кейэра. В руках его блестит острый меч. На одно мгновение дикари словно парализованы. Топор женщины врубается в их ряды, а меч мальчика пролагает кровавую дорогу.

За ними бросаются Сувиль и другие. Когда женщина с сыном падают под ударами дикарей, обитателям свай удаётся загнать противника в угол прохода. Дикари проникают в угловую хижину и укрепляются в ней.

— Они идут с острова! — кричит с лестницы мальчик. Верный своему долгу, он до сих пор оставался на сторожевом посту. Но увидев теперь, что сплоченные ряды пловцов направляются к плоту, он быстро спускается вниз, схватывает оружие и бросается в бой.

Но пловцам нет дела до покинутого и покрытого трупами плота. Они устремляются на угол. Соплеменники помогают им взобраться, и вторая хижина попадает в руки усилившегося неприятеля. За ивовым плетнем начинается упорная резня. Дондур отчаивается. Шаг за шагом подвигаются дикари вперед, издавая воронье карканье. Хотя мощный

голос вождя сзывает теперь всех стражей, неприятель всюду оказывается в двойном количестве.

Ожесточенный бой идет над трупами убитых. То там, то здесь мелькают камни, стрелы, копыя и топоры.

Кровь струится из левой руки Грауна, но он стоит твердо, как скала, среди бушующего моря сражающихся.

— Настает конец, Граун! — восклицает Дондур.

— Никто из нас не споеет больше песни, — отвечает старый певец.

Внезапно раздаются громкие крики. Шум весел слышен за деревней. Более двадцати лодок огибают угол. В них сидят белокурые воины.

Среди обитателей свай начинается ликование. Дондур указывает на неприятеля и громовым голосом передает весть:

— Эзо, спасение!

— Эзо, Эзо; воины с Драконовой скалы!

— Солнце, Солнце будет светить нам, — восклицают воины.

Подоспевшие на помощь с приветствием причаливают к плоту и перебегают через него на свайную решетку. Пятьдесят воинов бросаются в битву, горя желанием отмстить за старые раны.

Яростно зарычали стесненные дикари. Занятое ими убежище сделалось их смертным одром.

С двух сторон надвигаются люди свай. Сувиль и Сейво бросаются в самую густую сечу. Старший из них сражен и падает. Над раненым продолжают сражаться другие.

Над головой Сейво занесен уже боевой топор; но тому, кто занес его, раненый и лежащий на земле Сувиль перерезает на ноге жилы, так что тот падает с пронзительным криком.

Но старому торговцу смерть застилает глаза. Ожесточенно рубит топор в тесном пространстве. Почти никому не удастся ускользнуть. Целые толпы диких горцев истекают кровью между стенами хижины и неприятелем. Лишь немногие раненые бросаются в воду.

Из тех, что носили на голове вороны крылья, вряд ли вернется кто в ущелье с вестью о поражении.

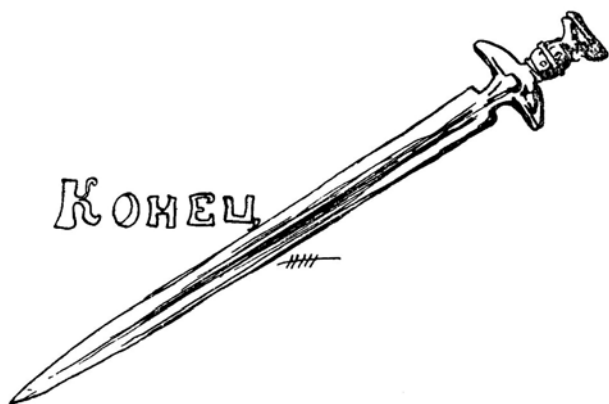
Богатыри на сваях с благодарностью поднимают к Солнцу уставшие от боя руки. Голубое весеннее небо раскинулось над ними, а пылающее дневное светило победоносно поднимается в зенит.

Пусть теперь вернуться вновь радость и благополучие в свайный поселок! Он освящен кровью умирающих богатырей, Сувиля и Грауна, и многих других доблестных воинов.

Задумчиво стоят возле убитых Дондур, Узольд, Сейво, Эзо с другими борцами. Они обдумывают последние слова старого певца:

— Завтра рано утром идти в поход на пещеры карликов в ущелье! Вся земля, что видна с высочайших гор, будет ваша, и вашей должна она оставаться до тех пор, пока последний светловолосый борец не отправится в полуночные леса мертвецов!

КОНЕЦ

ОБ АВТОРЕ

Карл Фердинандс (наст. имя Карл Фердинанд ван Влейтен, 1874-1945) — немецкий врач, поэт и писатель.

Родился в Бонне в семье депутата парламента. Изучал медицину, естественные науки и историю искусств в университетах Бонна и Мюнхена. В 1898 г. получил докторскую степень по медицине в Боннском университете, после чего поступил в качестве судебного врача на корабль, направлявшийся в Америку.

С конца 1899 г. работал в психиатрической клинике в Даллдорфе (ныне Берлин-Виттенау), где позднее держал частную практику.

С 1900-х и до начала 1930-х гг. публиковал романы, повести, рассказы, сказки и стихотворения под псевдонимом «Карл Фердинандс»; его произведения часто были адресованы детям и юношеству. Многие из них касались истории бассейна Рейна и отличались как пылким патриотизмом, так и ненавистью к Франции и французам.

Текст публикуется по первому изданию (М.: Задруга, 1914), откуда взяты и иллюстрация. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. На фронтисписе иллюстрация с обложки первого немецкого издания (1909).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.